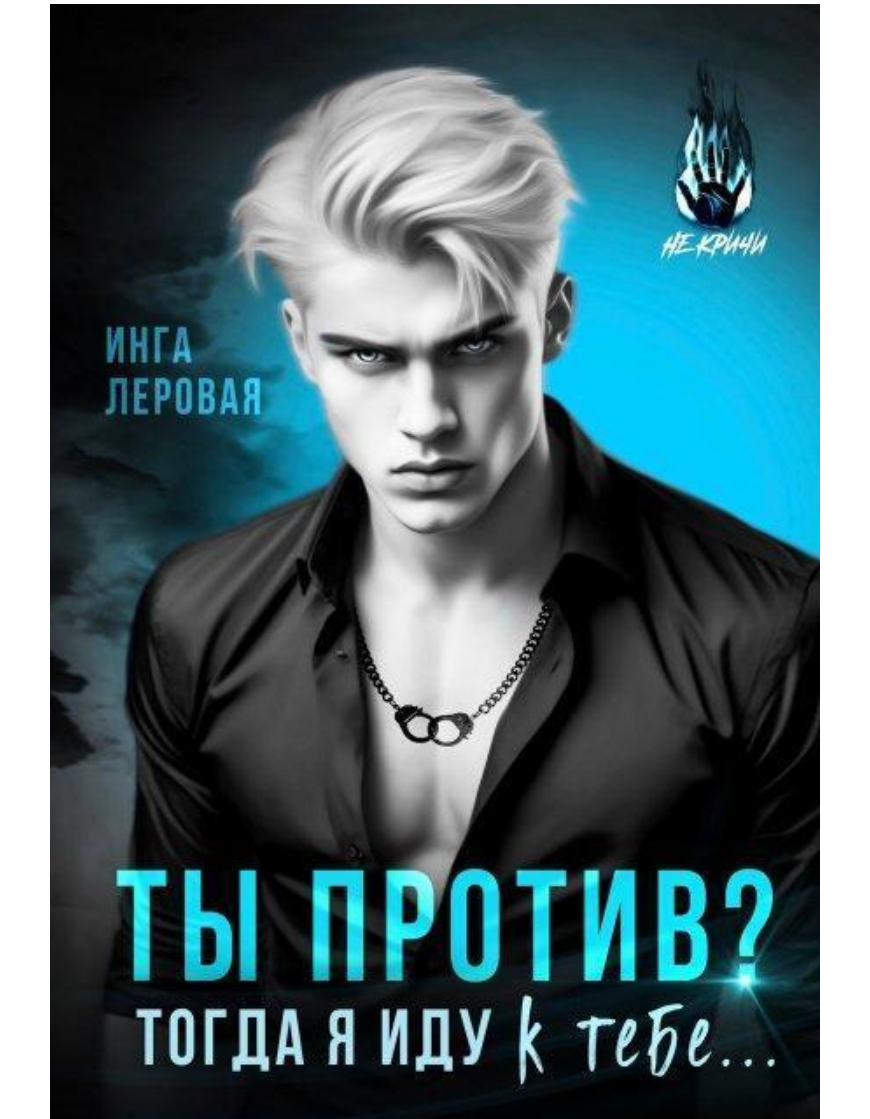

ИНГА
ЛЕРОВАЯ

ТЫ ПРОТИВ?
ТОГДА Я ИДУ к тебе...

Инга Леровая

Ты против? Тогда я иду к тебе...

<https://litres.ru/74571688>

Аннотация

Анжелика нечаянно сбивает странного парня на лесной дороге, не подозревая, что с этого момента ее жизнь круто изменится. Леон неожиданно для себя берется решить все проблемы Анжелики. Борьба с прошлым за будущее сложна и беспощадна.

Спасибо всем, кто ставит звезды ☆ и оставляет комментарии книге! ♥# Добавляйте книгу в библиотеку, чтобы не потерять!

Содержание

Пролог	4
Визуалы	9
Глава первая	13
Глава вторая	23
Глава третья	34
Глава четвертая	45
Глава пятая	56
Глава шестая	67
Глава седьмая	78
Глава восьмая	89
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Пролог

Середина сентября, окрестности Лисянска

Неужели Анжелика пропустила указатель на Лисянск? Точно, пропустила. Новая трасса, без единой выбоины, не требовала усиленного внимания. Анжелика бездумно давила газ, радуясь, что расстояние от дома увеличивается с каждой минутой. Темнело быстро, вот она и проморгала поворот.

Придется возвращаться. Внутри все сжалось от одной мысли о возвращении, хотя требовалось всего лишь проехать несколько километров в обратном направлении до указателя. Анжелика тряхнула головой, во вселенной не существовало сил, способных заставить ее развернуться.

– Должны быть и попроще дороги, – Анжелика достала телефон. – Тут уже близко. И возвращаться не придется. Вот, обычная лесная дорога. Всего-то тридцать километров. Если есть в навигаторе, значит проехать можно. Дождей давно не было, в какой-нибудь грязной луже я не застряну. Вперед!

Решение, принятое из чувства протеста, могло оказаться неверным, Анжелика это понимала. Но если выбирать между двумя плохими вариантами, то нет разницы, какой предпочесть. Можно ехать медленно. Вечером все дороги пустые. Как-нибудь она доберется. Даже забавно, что в городе для золотой молодежи она появится из леса.

Дорога виляла, хотя и была относительно ровной. Опасаясь не вписаться в очередной резкий поворот, Анжелика ехала как черепаха и уже жалела, что поддалась нерациональным эмоциям, поступила как маленькая, испуганная девочка. А ей двадцать. Она учится в институте на экономиста. Специальность выбирала мама.

– Выполнишь просьбу отца и домой! – некстати прозвучал в голове строгий голос матери. Так отчетливо прозвучал, что Анжелика сжалась в комок и захотела в туалет. – Слышишь меня, дочь? Твое место здесь. Пропускать учебу не следует. Ты должна помогать мне ухаживать за отцом.

– Отстаньте от меня! – заорала Анжелика. – Не буду я вам помогать. Не буду!

Пришлось остановиться и заглушить мотор. Пальцы подрагивали. Анжелика посетила туалет на заправке и специально не пила даже воды. Зачем, ну зачем она вспомнила про родителей? Анжелика бессильно уронила голову на руль. Рано она потеряла бдительность и вот расплата.

Темнота пугала, но зато не нужно прятаться в лесу. Анжелика выйдет из машины и присядет со стороны леса. Минутное же дело. Никого нет. Пустая дорога. Фары далеко светят, все отлично видно. Траву на обочинах, кусты. А потом она поедет дальше. Гостиница заказана, и завтрак тоже. Утром будет смешно вспоминать эту заминку в пути.

– Нечего бояться, – шепотом произнесла Анжелика. – Я тут совсем одна. И зайчики в лесу. Они не станут за мной

подсматривать.

Задние фонари давали гораздо меньше света, чем фары, но в лесу было тихо и Анжелика успокоилась. Накрутила себя на пустом месте. Просто ей все еще не верилось, что она вырвалась из родительского дома, что может располагать собой, своим временем и желаниями. Нужно привыкать, только и всего.

Когда позавчера вечером отец велел подойти к нему, вцепился костлявыми пальцами в ее руку и потребовал принести клятву, Анжелика, как обычно, испугалась. Отец уже месяц не вставал с постели, требовал общения, изводил бесконечными просьбами. Подай воды, открой окно, поправь одеяло, включи телевизор. И так по кругу.

Наверно, за человеком, которого любишь, нетрудно ухаживать, но отца Анжелика ненавидела и боялась. Если он уезжал в командировки, Анжелика умоляла высшие силы не пускать его назад. Он возвращался и в доме начинался ад. Отец заболел и уже не мог помыкать женой и дочерью в полную силу. А привычки командовать остались.

– Поклянись! – потребовал отец и Анжелика послушно закивала. – Этот конверт нужно передать одному парню. Ты это сделаешь.

– Сделаю, – как загипнотизированная ответила Анжелика. – Где он живет?

– Там есть адрес. Внутри. Распечатаешь, когда окажешься в Ясногорске. Поняла?

– Да, хорошо, – значит, требовалось поехать в другой город, это было невероятное везение. Другой город! Она может уехать из дома на неопределенное время, Анжелика едва не улыбнулась. – У меня учеба.

– Не спорь с отцом, – мать всегда подслушивала. – Выполнишь просьбу отца и домой! Деньги на твою карточку я переведу. На бензин и дорожную гостиницу.

– Да, да, я быстро, я и вещей много не буду брать, – дрогнувший голос мог выдать ее радость, Анжелика прикусила губу. – Сейчас соберусь.

Конверт лежал в бардачке машины. Пусть дожидается своего часа. Анжелика не поехала в город, где жил знакомый отца, она выбрала Лисянск и планировала договориться о переводе в один из институтов этого модного города. Никто не знает, сколько еще протянет отец, торопиться за ним ухаживать Анжелика не станет.

Можно было ехать дальше. Стоило прокрутить в памяти события, как Анжелике полегчало. Родители далеко, в двух днях езды, если с ночевкой, а Лисянск совсем близко. Никто ее не знает в этом городе, она легко найдет друзей и все у нее получится. Заводя мотор, Анжелика, напевала. Негромкий стук ударил по нервам как гонг.

– Эй! Вы с ума сошли? – на капоте машины, раскинув руки, лицом вниз, полулежал парень в черной рубашке с неестественно белыми волосами. – Я только тронулась, я не могла вас сбить! Дорога пустая. Куда вы смотрели? Фары го-

рят. Вы, что, их не видели? Черт, он, кажется, не дышит. Эй! Да очнись ты!

Анжелика попыталась перевернуть парня, он сполз с капота и упал перед машиной. Рубаха расстегнута, на шее черная цепочка с наручниками. И сам в черном. Несущественные детали приковывали внимание. Откуда он взялся в лесу? Он так решил расстаться с жизнью? Может уехать? Свидетелей нет.

Горячая мысль о бегстве вспыхнула в голове Анжелики. Это просто сделать. Если сдать назад и объехать. Две минуты и она свободна. Пусть этот лежит. Потом его найдут. Парень застонал и Анжелика обреченно наклонилась к нему.

Рада приветствовать вас в этой психологической истории. Будут загадки и разгадки, эмоции и острые моменты.

Ваши лайки, комментарии и библиотеки бесценны.

Визуалы

Стоит приглядеться к героям. Почему они такие? Все идет из детства, а какое было детство?

Скоро узнаем.

Леона можно увидеть на обложке и сразу понять, парень не простой. С претензиями на завоевание мира.

Презирает мать, а ее любовника ненавидит. Может учиться на отлично, но хитрит.

Что он задумал? Почему переводится в другой институт?

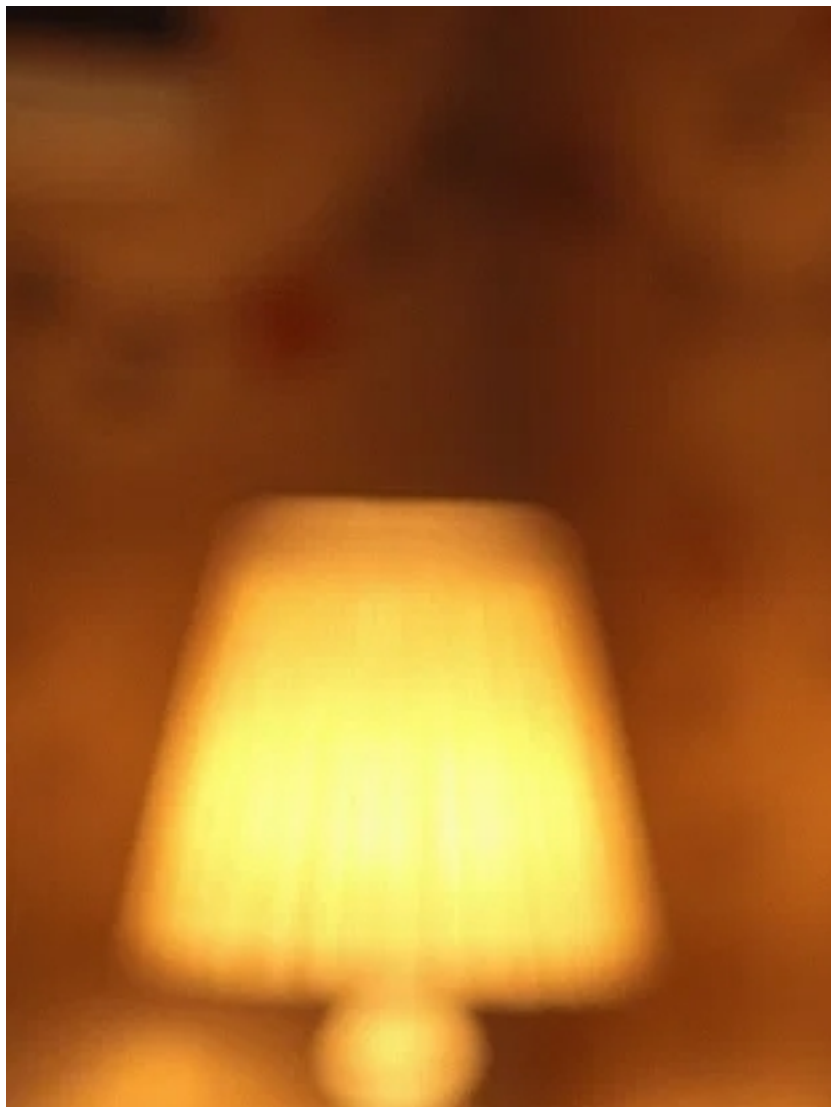
Леону двадцать один, но выглядит он старше.

MAN
HET

Анжелика Короткова росла в семье с властным отцом и деспотичной матерью. Родители как-то друг к другу притерлись, а о дочери, ее душевном состоянии, никогда не думали.

Едва вырвавшись из семьи, Анжелика умудряется сбить Леона машиной. И становится виноватой и обязанной уже Леону.

Анжелике двадцать лет, но выглядит она как испуганный подросток. Криво выстриженная челка (мать стригла) уродует ее.

Глава первая

Начало августа, Ясногорск, квартира Высоковых

– Леон? – мать округлила глаза и закричала. – Почему вдруг Леон?

– Не кричи! Дай сюда! Лезешь, куда не просят, – Леон выхватил из рук матери свой паспорт и спрятал его во внутренний карман пиджака.

Непростительная оплошность, бросил документы на столе. Никогда больше так не делать! Леон собирал сумку, думал, что сначала уложит вещи и затем документы приберет. А мать ввалилась к нему без стука по старой памяти, до сих пор считая его маленьким мальчиком. А Леону двадцать один, между прочим.

Вторая оплошность, дверь на шпингалет не запер. Никогда больше так не делать! Мелкие просчеты всегда вырастают в крупные проблемы и подобная забывчивость должна быть безжалостно искоренена. Леон грубовато вытеснил недоумевающую мать из своей комнаты. Поговорить можно и на кухне. За прощальным чаем.

– Ты серьезно, Леня? Когда ты успел поменять паспорт? – мать села за стол, заскрипела стулом. Леон терпеть не мог эту ее привычку. Он все материны привычки терпеть не мог.

– Когда надо, тогда и успел. Я больше не Леня. Меня зовут Леон. Запомни.

– А чем стал плох Ленья? Я тебя спрашиваю. Леонид! Отвечай матери!

– Всем.

– Мог бы посоветоваться. Не решать втайне от меня. Вопрос-то на всю жизнь. В твоём возрасте надо продумывать свои решения.

– Это мое продуманное решение. И мой возраст позволяет самому решать.

– Что еще я не знаю о твоих решениях? – обиделась мать. Она нервно двигала сахарницу по столу, ожидая, когда перед ней поставят чашку и нальют в нее кипяток.

– Меньше знаний, лучше сон, – да что ты вообще обо мне знаешь, мысленно рявкнул Леон. – Пей чай. Не клади столько сахара, весы ломаешь.

– Не хами матери. Сахара пожалел. Сын называется. Что еще придумал, я спрашиваю?

– Не твое дело, – все равно Леона не поймут, глупо время тратить на объяснения.

Мать жила на воинскую пенсию отца и ни разу ей в голову не пришло, что взрослому сыну нужны нормальная одежда и обувь. Не из секунд хенда. Да еще была уверена, что их квартира с пятнадцатилетним ремонтом все еще на высшем уровне. Талдычила без конца, Высоковым все высокое.

Отец Леона погиб десять лет назад. Написали, что при исполнении задания. Хоронили с почестями и военным оркестром, гроб открыть не позволили. Мать получала все на

блюдечке при живом муже, и после его смерти привычек не поменяла. Не страдала о будущем, считая, что государство должно обо всем позаботиться.

Часто мать упрекала сына, что он не поступил в военное училище на все готовое. Не пошел по стопам отца. Выбрал никому ненужную гуманитарную специальность. Были и у Леона претензии к матери. Много накопилось за годы сиротства. Леон знал, что отец женился без любви, потому что мать забеременела и вынудила его.

На отношение к сыну поспешный брак не повлиял. Отец любил Ленку и проводил с ним все свободное от службы время. И Леон отца любил. Мать пыталась найти другого мужа, но ее все любовники бросали. Находила одних моральных уродов. Если Леон вспоминал о последнем материнском любовнике, то кулаки сами сжимались.

– Я перевелся в другой университет, – волевым усилием Леон прогнал из мыслей лысого и пузатого дядю Гришу. С ним мать и растолстела до неприличных размеров.

– В военное училище? – радостно встрепенулась мать. – Я всегда тебе говорила, что там лучшее образование. И форму дают. Дисциплина и порядок.

– Нет, не в военное, – Леон мстительно улыbnулся. Огорчит сейчас мать с большим удовольствием. – В гуманитарный университет. Перевелся из нашего филиала в головной. Перееду в другой город.

– Зачем это? Другой город. Леня, а я?

– А ты себе нового любовника найдешь. Что-то дядя Гриша давно не навещался.

– Это ты его обидел!

– Ага, я, – Леон потер кулак, в морду этому гаду он однажды заехал с большим удовольствием. Еще бы вдарил, да мать завизжала как недорезанная.

– Адрес оставь, – мать поджала губы. – Хоть бы тебя не приняли.

– Приняли уже, опоздала с пожеланиями.

К переводу Леон подошел серьезно. Экзамены специально сдал на четверки в летнюю сессию, хотя мог все на отлично сдать. В головной институт взяли с понижением на курс. Вместо третьего снова на второй. Леона это устраивало. Год можно будет учиться без напряжения, посвистывать и поплевывать.

– И когда ты уедешь?

– Завтра утром уеду.

– Как это завтра?

– Так это. Не кричи. Достали твои вопли!

Леон скрылся в своей комнате, защелкнул замок. Все, нудятина и бредятина закончились. Пусть мать воет хоть всю ночь, пусть жалуется на сына соседям. У Леона начинается новая жизнь. В новом университете, в новом городе, с новым именем. Мир прогнется под желания Леона, обязательно прогнется.

Спать последнюю ночь в ненавистной квартире Леон не

планировал. Подремлет в кресле. А ранним утром уйдет через балкон. Это была его последняя месть матери. Пусть ломает дверь, если захочет. Шпингалет ерунда, одним ударом можно выбить. Леон предвидел события, добыл железный лист на дверной проем.

Немного повозиться, чтобы жестко закрутить гайки. Не будет лишнего шума, Леон дождется, когда все уснут. Болты надежно закрепят и удержат щит. Разворотить стену мать вряд ли решится. Ведь потом придется ремонтировать, пенсии не хватит на дорогие строительные работы. Наймет по дешевке, сама же пожалеет.

– Прощай, мама, – язвительно прошипел Леон. – Забудь про балкон. Нечего шастать по моей комнате. На улице погуляешь.

С балконной дверью Леон поступит таким же образом как с входной. Только на железном листе были нарисованы стена, окно и дверь. Очень похожие на настоящие. Леон подружился с уличной художницей и она нарисовала имитацию. Фальшивым звонком Леон выманил мать из квартиры и сумел все приготовления сделать незаметно.

С приятным чувством от хитро задуманного и хорошо выполненного дела Леон развалился в кресле. Специально задвинул кресло в угол, чтобы вся комната просматривалась. Леон ненавидел шорохи за спиной, даже в транспорте вставал так, чтобы никто за плечом не сопел. В парке для пробежки выбирал пустые дорожки.

Выцветшие обои с морскими волнами и корабликами Леон мог бы заменить на что-то современное. Или вообще оставить стены белыми, как у многих его приятелей. Но эти детские обои они долго выбирали с отцом, а потом сами клеили. Все, связанное с отцом, Леон берег. Не позволил матери выбросить ни одной отцовской вещи.

Парадная форма, старая бритва, недочитанная книга, очки с замотанной изолентой дужкой, награды и документы, все было аккуратно сложено в пластиковой короб, а короб надежно спрятан. Леон зарыл короб в лесу. Яму вырыл в два метра глубиной. Постарался никаких следов не оставить, чтобы не натолкнуть случайного грибника на поиски клада.

Свои вещи Леон не стал прятать, все равно мать не доберется до них. Из ценного только книги о приключениях. Одежду, из которой вырос, Леон сам раздал пацанам во дворе. Раздал не от щедрости, а чтобы насолить матери. Она видела, как ребята в футболках, рубашках и штанах Леона играли в футбол, падали и пачкали, а то и рвали, и злилась.

Наверняка можно было найти хоть что-то светлое в юношеских годах, но Леон не хотел искать. Наоборот, он разжигал в себе ярость, вспоминая обиды и промахи матери, разжигал до максимального предела, и гасил. Это была тренировка для полного овладения своими эмоциями.

Из классической литературы Леон затвердил только одну фразу. Учитесь властвовать собой. Вот он и учился. И с каждым годом властвовал над своими эмоциями все лучше,

заслужил кличку Печорин. Когда одноклассники выбирали технические вузы и формально мужские специальности, он единственный выбрал гуманитарный.

В всех книгах говорилось, что в психологию и конфликтологию идут те, у кого родители не дают ребенку свободы, дают и все решают за него. Леон выбрал по противоположной причине. Он хотел давить, мстить и унижать. Поквитаться с матерью за ее бесхребетность и унылую юность. И за липкий страх.

Первого любовника мать привела через полгода после смерти отца и у Леона, тогда еще Леньки, случилась истерика. Он швырялся в гостя ботинками, кричал до хрипоты, а потом рыдал в своей комнате, куда разозлившаяся мать его затолкала. Того мужика Леон не запомнил, он больше не приходил.

Мать ругалась на сына несколько дней. Приводила доводы и уговаривала смириться с потерей. Потом пыталась разжалобить, а когда не удалось, пригрозила смирительной рубашкой и психушкой. Дошло дело и до перевода в интернат для трудновоспитуемых подростков. Помог участковый, вник в ситуацию и заступился.

Участковый доступно объяснил строптивому Леньке, что время работает на него и против матери. Она стареет, мужики на нее внимание перестанут обращать, а он мужает. Зачем быть дураком, если можно схитрить, выждать. Участковый принес матери завышенные расценки на содержание в

интернате и кое-как пришли к соглашению.

– Я возмужал, а ты постарела, – мстительно повторил Леон. – Жалкая старуха. И никому уже не нужна, дура. Выбрала бы сына, а не своих уродов, жила бы как человек. Зови теперь дядю Гришу, плевал он на тебя.

В переменчивом свете уличного фонаря предметы в комнате казались живыми чудовищами. У тумбочки выросли лапы, а стол словно стал выше и сгорбился. Полка над столом изогнулась в хищном оскале. Сон все-таки сморил, Леон не заметил даже, как закрылись глаза, а голова упала на грудь.

Комнатных монстров Леон не боялся, давно приручил их. Играл с ними в догонялки в многоэтажных лабиринтах. Все про них знал. Но существовал и настоящий монстр, из мяса и костей, превративший жизнь подростка Леньки в кошмар. Дядя Гриша, мамин любовник, любил эмоциональные игры. Испугать, разозлить, обидеть, вынудить.

Все это дядя Гриша проделывал мастерски. Пугал, злил, обижал. Не бил, но истязал морально так, что однажды Ленька сам прибежал к участковому и попросился в тюрьму. От волнения заикался и забыл, как называется закрытый интернат. Участковый вызвал к себе мать и дядю Гришу и пообещал посадить в тюрьму их. При Леньке.

Несколько месяцев дядя Гриша где-то скрывался, а потом появился как ни в чем ни бывало. Мать обрадовалась, на стол кинулась накрывать, а у Леньки голова непроизвольно втянулась в плечи, сжался, чуть с табуретки не свалился. Нена-

видел себя Ленька за этот страх, пальцы предательски дрожали, выдавая его состояние.

– Соскучился, сыночек, – издевательски растягивая гласные, фыркнул дядя Гриша. Смотрел на Леньку как на блоху. – Чего трясешься-то как припадочный? В штаны не наложил? Или наложил?

– Нет! Не соскучился, – не получилось у Леньки крикнуть, невнятно пискнул, и убежал к себе в комнату. Молотил кулаками по подушке от бессилия и клялся отомстить.

– Против ты, значит, что я вернулся. Прячешься, дурачок. Тогда я иду к тебе! Иду к тебе! Я-то соскучился, – дядя Гриша приволокся следом. Двинул плечом и сорвал хлипкую задвижку с двери. Хохотал, топал и тянул руки к Леньке, изображая пьяного медведя. Но близко к кровати не подходил. – Ничего, воспитаю я из тебя человека. Есть в тебе гнилая зацепочка. Я-то вижу. Мечтаешь, чтобы я твоим отцом был.

– Нет! Уходи! Не нужен мне другой отец.

– Да ты глазенками-то не сверкай, крысеныш. Че белый такой уродился? Альбинос?

– Я на папу похож.

– На папу? А, это на того папу, чьи кости черви доедают? Смачно так жрут. Я тебе за папу теперь! Я!

– Нет!

– А я говорю да. Знаешь, что. Пойдем проверим. Могилку подкопаем и увидим, что от папаньки твоего осталось. Или ты боишься? Мертвяков боишься? Утащят к себе, они све-

жатинку-то любят. Молодое мяско, нежное.

Ленька забивался в угол и не дышал. И мертвяков он боялся, и того, что дядя Гриша покушался на святое, память отца. Мог, в самом деле, утащить Леньку на кладбище и начать разрывать могилу. Дядя Гриша часами рассуждал об этом, клевал и клевал как дятел в одно место, не выпускал из вида свою добычу.

По стене поползла уродливая тень, дядя Гриша опять проник в сон Леона. Мерзко хихикал и тянулся растопыренными пальцами. Леон силился проснуться, считал до трех, приказывая себе открыть глаза. Но что-то мешало выскочить из вязкого болота сна. Леон перестал тренироваться, считая, что уже освободился от зависимости.

– Ты против? Я иду к тебе, – шипел дядя Гриша сам на себя непохожий, похудевший, с пустыми глазницами. – Иду к тебе. Сыынооочееек.

– Черт! – Леон дернулся и проснулся. Сердце гулко стучало в ребра, на висках выступил пот. – Чтоб ты сдох в мучениях. Чтоб тебя живого похоронили. Червяки заждались.

Сто раз себе объяснил Леон, почему он так зависел от грязных причитаний и обвинений дяди Гриши. Выискивал ответы в учебниках и спрашивал у преподавателей. Находил техники и работал со своими страхами. Но кошмары до конца изжить не смог. Была лишь надежда, что он справится. Для этого и уезжал из родного города. Чтобы справиться.

Глава вторая

Начало августа, трасса на Лисянск

Человек радуется, когда все идет по плану, когда события дают тот результат, который был нужен. Леон радовался. Он прикрутил два железных листа к дверям, защитив, насколько это возможно, свою комнату от чужого проникновения. Удовольствия добавлял тот факт, что ничего ценного в комнате не осталось.

Мать посчитает иначе и будет пытаться “взять” крепость. Это влетит ей в немаленькую копеечку. Вдобавок среди соседей поползут слухи. Последние дни Леон ходил по двору с хмурым видом, создавая впечатление гонимого из родного города. Так соседи и решат. Ради полюбовника Верка Высокова выгнала из дома родного сына.

Невиноватая Верка начнет оправдываться и только усугубит ситуацию. Леон азартно крутил педали велосипеда и хотел во все горло, представляя смешные подянки дворовых старух. Могут и кошачьего дерьма в почтовый ящик запихать, и под дверь соли насыпать. Он не увидит, но и простое знание фактов согревало.

Из родного города Леон уехал налегке. На материном велосипеде, с рюкзаком за плечами и спортивной сумкой в корзине на переднем колесе. Мелочность мести не смущала. Хотя что-то должно Леону достаться от родительницы. И

для целей Леона велосипед подходил идеально. До нужного места доберется, а там поймает попутку.

Физическая нагрузка помогала вытряхнуть из тела ненужные воспоминания, а красота леса, начинающего готовиться к осени, настраивала на созерцательный лад. Леон очень хотел стать таким божественным созерцателем, которого не обременяет жизнь. Что воля, что неволя, все равно. Каждая деталь нового образа была продумана.

Большими деньгами Леон не располагал, поэтому выбрал черный цвет в одежде. Во-первых, черный подходил к его волосам, а во-вторых, одетый в черное человек вызывает повышенный интерес у окружающих. Намек на некие трагические события в прошлом. Загадочных людей любят, ведь жизнь большинства это унылая лямка.

Таинственности образу добавляла цепочка с замочком в виде миниатюрных наручников. Утром Леон перед зеркалом застегнул ее на шею и напомнил себе свою детскую клятву. Эти наручники для дяди Гриши. Леон отомстит и тогда расстанется с цепочкой. А после этого неважно, что случится. Так далеко Леон сознательно не заглядывал.

– Вас подвезти, юноша? – раздался за спиной долгожданный вопрос. – Далеко путь держите?

– Мне в Лисянск, вам удобно будет? – Леон обаятельно улыбнулся женщине из шикарного автомобиля, точно зная, что она едет в Лисянск. Он не поленился, разыскал нужные сведения про Матильду Шифтер, преподавательницу немец-

кого языка в гуманитарном университете.

– Удобно, – засмеялась Матильда. – Заскакивай. Их хабе глюк.

– Ага, – поддакнул Леон. – Данке шен.

Матильде Шифтер было чуть за сорок, но выглядела она максимум на тридцать. Любила экстремально короткие стрижки, свой предмет, плавание, ярко-желтые хризантемы и стройных студентов блондинов. Эти данные Леон почерпнул из профиля Матильды в сети. На общих фото Матильда всегда стояла между симпатичными блондинами с букетом желтых хризантем.

Леон заранее уточнил, когда Матильда поедет в Лисянск, написал ей письмо якобы из приемной ректора. Остальное было делом техники. Доехать до места, где Матильда поворачивала на главную трассу из своего городка, спрятать в лесу велосипед, и устало топать по обочине с рюкзаком и сумкой.

Леон, конечно, рисковал, Матильда могла не обратить на него внимание, но повезло. Их хабе глюк. Появиться в Лисянске Леон хотел именно так. На модной машине, с модной женщиной. Своей машины у него, естественно, не имелось, на такси слишком дорого, а тащиться с железнодорожного вокзала в студенческий городок не по-королевски.

– Какой институт и курс? – Матильда шумно втянула воздух в машине, Леон понимающе кивнул и достал из внутреннего кармана желтую маленькую хризантемку.

– Люблю этот горьковатый запах, сорвал по дороге в чьем-то саду, – Леон положил цветок на приборную доску. – Гуманитарный университет, второй курс.

– Вот как? Не видела тебя в университете, такого парня обязательно бы заметила.

– Я перевелся из филиала. Многие студенты уже съезжаются, чтобы неторопливо устроиться и поучаствовать в первых вечеринках.

– Какой язык учил?

– Английский.

– Жаль. А может и лучше так, – Матильда поиграла бровями. – Как зовут?

– Леон Высоков.

– А я Матильда Генриховна, преподаю немецкий.

– Вы преподаватель? – натурально удивился Леон. – Не студентка? Я не слишком нагло себя веду?

– Такого комплимента мне еще не делали. Пешком почему шел?

– Меня мать подвозила и мы разругались. Высадила на трассе. Вот и шел. Хорошо, что вы сочувствие проявили, я вам очень благодарен. Если что-то могу для вас сделать, вы только скажите.

– Скажу. Обязательно скажу. Если ты скажешь, почему разругался с матерью.

– Это не секрет. Она требовала, чтобы я в военное училище перевелся. Иначе из дома грозились выгнать. Я соврал, а

на она трассе поняла, что не туда я перевелся.

– Что за мать такая, – фыркнула Матильда. – А отец?

– Отец погиб. Вы не думайте о ней, доброму человеку не понять. Я сам всего добьюсь.

– Обязательно добьешься. Даже не сомневайся.

– Спасибо, – Леон взглянул повлажневшими глазами на Матильду, которая, как оказалось, еще любила слово “обязательно”. – Я так вам благодарен за поддержку.

Пока все складывалось, как Леон и задумал. Легкость реализации дерзкого плана настораживала, к провалу Леон подготовился лучше, чем к успеху. Поэтому непринужденная болтовня с Матильдой отнимала много сил. Подсознательно он ждал, что его выставят из машины за сексуально подкрашенные шутки, но Матильда хихикала как девчонка.

– Леон, хватит меня смешить. Так мы слишком быстро доедем.

– А разве не в этом цель? Скоротать дорогу.

– Не в этом, дурачок.

– А в чем? Мы должны попутно позаниматься немецким? Их бин чего?

– Должны позаниматься. Но не нем, нем не, не немецким,

– Матильда замотала головой, с трудом выговорив фразу. – Язык заплелся в узелок. Ты никому не расскажешь?

– Никому.

– Поклянись самым дорогим.

– Клянусь, – Леон накрыл ладонью замочек-наручники на

шее. – Никому.

– Хороший мальчик. А я плохая девочка. И заслужила...

– Плохая девочка заслужила что?

– Отгадай!

– Отдых?

– Нет. Даю еще попытку.

– Шоколадку?

– Это потом.

– Суровое наказание?

– Горячо.

– Привязать тебя к березе и выпороть?

– Ну, Леон. Не заставляй меня ощущать себя еще и развратной теткой, выпрашивающей удовольствие. Я заслужила хороший секс.

– Тогда остановимся. На отдых. И... другие дела?

– Остановимся!

Мужик, продавший Леону ароматический возбуждающий спрей, предупреждал, что на запахи у каждого человека индивидуальная реакция. Кого-то в сон клонит, кого-то возбуждает, а кто-то вообще не почувствует запаха. Матильда время от времени подносила хризантемку к носу и явно поплыла, ерзала на сиденье и смотрела на Леона голодными глазами.

Леон даже слегка опешил, когда Матильда оставила на руле одну руку, а вторую положила ему на бедро. Так откровенно предлагать себя далеко не каждая женщина решится.

Да еще первому встречному. Матильда ведь не деваху с трасы, она преподаватель, а голову потеряла.

– Сворачивай на второстепенную, – грубовато скомандовал Леон. – Пока не въехали в столб. Вон за те кусты.

– Какое милое приключение, – Матильда накинулась с поцелуями на Леона, едва машина остановилась, рванула рубашку на груди. – Возьми меня, сладкий мальчик. Прямо здесь. Прямо сейчас. Хотя я против.

– Ты против? – словечко ударило по нервам, скрутило в тугой узел внутренности. Сколько раз Леон слышал его и обмирал от иррационального страха. Непроизвольно заговорил, понижая голос до шепота. – Тогда я иду к тебе.

Заниматься сексом в машине было неудобно, Леон про себя чертыхался. В десяти километрах находился мотель, там можно было даже заночевать, но рисковать не хотелось. Они запросто могли попасть в аварию. К счастью, возбужденная Матильда не ждала от Леона активности, сама наскакивала, сама разделась и раздела его.

При довольно скромном сексуальном опыте Леон встречал женщин и поинтереснее, чем эта преподавательница немецкого. Но, конечно, Матильде он не стал делать замечаний. Еще придет время. Один плюс все же имелся, Матильда не потребовала много усилий. Она бурно реагировала на стандартные ласки и пару раз что-то пролепетала про любовь.

Леон не понял бы претензий, скажи ему кто-нибудь со

стороны, что он поступил недостойно, нарушив чужие личностные границы и соблазнив женщину, которая ему не понравилась физически. В его личную жизнь вмешивались, это была норма, почему же ему нельзя? Он не насиловал, не уговаривал, и Матильда осталась довольна.

Что будет дальше, Леон решит потом. Всегда можно найти компромисс. Между дрессировщиком и зверем и то находится равновесие. Один довлеет, другой подчиняется. Чем лучше обучен зверь, тем больше он ценится. На зверя Матильда не тянула, сойдет за комнатную собачку. Хотя такой простенький секс Леона не устроил.

После их милого приключения Матильда разрешила Леону сесть за руль. Леон сам вызвался и получил восторженное одобрение. Такая податливость должна бы порадовать, но Леон нахмурился. Никакого азарта. Как если бы курица сама себя ошипала, прыгнула в кастрюлю и сварилась. Приятного аппетита.

Существовала вероятность, что Леона примут всего лишь за водителя Матильды Генриховны Шифтер. Леон постарался свести эту вероятность в ноль. Вкусная конфетка и Матильда уснула. Наступила блаженная тишина. Леон легко представил, что он один, сам по себе в молодежный город с массой развлечений, многие из которых на грани приличий.

О своем приезде руководство университета он предупредил, его даже записали в какую-то группу волонтеров. Ради общежития Леон согласился. Знакомства все равно нужны,

а в волонтерах часто встречаются обеспеченные ребята. Беднота не любит помогать, ей и нечем. Надо думать как от стипендии до стипендии протянуть.

Дорогу к общежитию Леон нашел бы и с закрытыми глазами. Тщательно изучил карту. Где какие улицы, где какие заведения. Повороты, дорожные знаки, велосипедные дорожки и пешеходные зоны. Лихо подкатил ко входу, выгрузил свои вещи в холл и отогнал машину на стоянку. Матильда выпитая и сама дорогу найдет.

– Ух ты, твоя такая машина? – восхищенно спросила девчонка-администратор и поправила бейджик на груди с именем Нинель.

– Была моя. Продал.

– Зачем же?

– Тут все в пешей доступности. Будет пылиться на парковке.

– Ну так-то да. Ты продуманный.

– Здоровый образ жизни должен стать нормой нашего поведения, – игриво пропел Леон.

– Не похож ты на здоровый образ жизни, – фыркнула Нинель.

– А на кого похож? – Леон эффектно откинул челку со лба. Не стал бы он тратить обаяние на администратора, но в ушах у Нинель сверкали настоящие бриллианты. В камнях Леон разбирался.

– На крутого парня, который все себе разрешает. Если хо-

чешь, я тебе комнату поменяю. На втором этаже лучше жить, чем на седьмом.

– Чем лучше? А, понятно. На втором этаже живешь ты.

– Я не живу в общежитии, – щеки Нинель покраснели.
– На втором этаже был ремонт, мебель новая в комнатах, и преподаватели реже заглядывают. Они обход с верхних этажей начинают, уже устают, пока до низов добираются.

– А самая лучшая комната какая? Или так спрошу, что нужно сделать, чтобы милая девушка Нинель заселила меня в комнату одного?

– Одного? Новеньких по одному не селят. И только с третьего курса. Такие правила.

– Я с третьего.

– А в документах... Почему ты на втором, ты же на третьем должен быть.

– Канцелярская ошибка. Поэтому и приехал пораньше. Так что? Нинель, о чем тут думать? Хочешь, на колени встану и спою тебе серенаду?

– Ладно. Помни мою доброту.

– Всегда твой, Леон Высоков.

Нинель склонилась над клавиатурой и не увидела презрительную усмешку на лице Леона. Вертеть людьми, которые не знали тебя с детства, не учились с тобой в одной школе и не играли вместе во дворе, оказалось легко. И эта попалась. А ведь считает себя умной. Пара тупых комплиментов и правила можно забыть.

– Вот ключ. Заселяйся. Спустишься поболтать?

– Завтра поболтаем. Я в дороге целый день. Скучный собеседник. Когда я выплусь... – Леон многозначительно закатил глаза. – Покажешь мне все тут?

– Покажу. Конечно. Если вдруг будут спрашивать, почему ты один живешь, скажи, что тебе ректор разрешил. По состоянию здоровья.

– А ректор у нас кто?

– Мой папа.

– Лучше бы другую отговорку найти, – на ерунду использовать имя ректора Леон не хотел.

– Какую другую?

– Впиши кого-нибудь фиктивно в мою комнату и все дела. Кто учится на третьем курсе, но не собирается в общежитии жить.

– Точно! Я посмотрю списки. И оформлю. Завтра уже другой администратор придет, я свою неделю отработала. Он не станет проверять старые заселения. Хватит других дел.

– Ты чудо, Нинель. Смотри, не разболтай нашу маленькую тайну.

Глава третья

Середина августа, общежитие Лисянского гуманитарного университета и дом у леса

Выражение “подвести итоги” имеет двойную окраску. Если результаты нравятся, то подводить итоги одно удовольствие. Ну и наоборот. Нечем похвастаться, то какие итоги могут быть. Леон никаких поблажек себе решил не давать. Ему хватит силы воли, чтобы смотреть на неудачи без соплей.

Уже одно это решение наполняло его гордостью. Он будет называть вещи своими именами. Плохо, значит, плохо. Лох, значит, лох. Облажался, значит, облажался. Другим он может врать и пускать пыль в глаза, себе нет. Другие это просто инструменты, интерьер, антураж, костыли, в общем, необходимая мебель.

Мебель нужна, чтобы обеспечить себе достойный жизненный комфорт. Смешно было фиксировать очевидные моменты, но Леон старательно перечислил. Диван должен быть в меру мягкий с удобной спинкой, кресло должно быть эргономичным, стол должен быть вместительным, в шкафу должно хватать места для всех вещей.

Скажи ему кто-то со стороны, что он невозможная зануда, Леон бы возразил. Он вовсе не зануда. Он занят собственной судьбой. И в этом деле нет мелочей. Леон стукнул кулаком

по столу, усиливая свои слова. А потом сообразил, с какой стати он позволяет кому-то со стороны рассматривать свои поступки под микроскопом и предвзято судить?

Кто этот субъект со стороны? Почему Леон постоянно обращается к нему за оценками? Озарение было таким ярким, что Леон обессиленно опустился в кресло. Надо прекратить это немедленно! Чужое мнение это мусор под ногами. В глубине души Леон понимал, кто довлеет над ним, но пока не отваживался посмотреть в эту сторону.

В дверь легко толкнулись, завертели ручкой и Леон усмехнулся. Решение всегда запираť дверь он соблюдал неукоснительно. Хотя на втором этаже, куда Леон попал отчасти случайно, никто больше так не делал. Даже на ночь не все комнаты запирались. Студенты ходили в гости друг другу, когда вздумается.

Леон быстрым взглядом окинул комнату, не лежит ли чего лишнего на столе или кровати. И только после этого открыл дверь. На пороге стояла Матильда. В строгом деловом костюме, с кожаной папкой в руках. Она заискивающе улыбнулась Леону и он посторонился, пропуская Матильду в комнату. Дверь оставил приоткрытой.

– Я по поводу... – Матильда неожиданно покраснела. – Сделаем вид, что между нами ничего не было.

– Я вас первый раз вижу, что могло между нами быть? – равнодушным голосом произнес Леон.

Ему ничего не угрожало. В машине Матильды имелся ви-

деофиксатор, но Леон записи стер. Потом уже сообразил, что надо было сохранить для собственной безопасности. Опять же, всегда можно сказать, что записи есть. Пусть Матильда знает, что она накосячила. Сексуальное преследование студента, это не шутки.

– В первый раз видишь? – Матильда изумленно заморгала. – Ах, да. Я просто проверяю, как студенты устроились. Может есть жалобы?

– Пока нет. Мой сосед пока не заселился, я один.

– Ну если нет жалоб... я пойду?

– Конечно.

Будто нечаянно Леон притиснул Матильду к стене, когда распахнул ей дверь. Навалился всем телом и удовлетворенно кивнул, почувствовав, что колени Матильды дрогнули. Матильда облизала губы, но Леон уже отстранился. Нет, сам он инициативы проявлять не станет. Пусть немка привыкает жить по его правилам.

Итоги первой недели Леона вполне устроили. Он отлично добрался до места, отлично устроился на одиночное проживание, и завел кое-какие знакомства. Нинель провела его по студенческому городку, гордясь тем, что показывала. Наверно, так проявлялось влияние отца. Ректор гордился университетом и дочке ничего не оставалось, как тоже гордиться.

Пару дней Леон провел в полном одиночестве в комнате. Назвал это перезагрузкой. Спал, сколько хотел, ел прямо в постели, сметая крошки с кровати на пол, не умывался и не

одевался. Думал о прошлом и будущем. Люди автоматически соединяют через настоящее что было и что будет. Леон не хотел соединять. Он хотел уничтожить свое прошлое.

Настоящее должно стать трамплином, должно разорвать любые связи с тем, что его окружало в родном городе. Еще и поэтому Леон заколотил свою комнату. Похоронил воспоминания и обиды. В общем, все умерли. Так проще. Никогда не было у него безответственной матери и ее мерзких любовников. Не было страхов и тоски.

После перезагрузки Леон еще день приходил в себя. Назвал заземлением. Порхающий эльф без крепких корней добьется лишь мимолетного восхищения. Леон хотел добиться другого отношения, не просто уважения или признания. Кинг-Конгу наплевать на чужое уважение. Он живет не заморачиваясь, как себя чувствуют те, кто рядом.

Взбодрив себя постукиванием кулаками по груди, Леон расхохотался и отправился на разведку. Сюрпризов он не хотел, поэтому уточнил, кого Нинель вписала в его комнату. Некий Коля Евсеев. Надо познакомиться с этим Колей. Узнать его мотивы. Жить в общежитии весело и удобно, а он отказался. Коля снимал комнату в пригороде, адрес в деканате имелся.

Леон сверился по карте, довольно далеко от университета сосед жил. Это и настораживало. В любой момент Коля мог устать от тягот деревенской жизни, а значит, плюнуть на пригород и отправиться завоевывать царство Леона. Нель-

зя этого допустить. Не то чтобы Леон боялся конкуренции, но лишние глаза и уши комфорт жилья ухудшили бы значительно.

В пригороде осень ощущалась острее. Никто не убирал опавшие листья с дорожек, они шуршали под ногами, настраивая на меланхолический лад, небо было ярким, а воздух свежим. Нужным дом нашелся на тихой улочке, был двухэтажным и последним в ряду домов, а за домом уже начинался сосновый лес с редкими березками.

В принципе, неплохо, заключил Леон. Наверно, парень заворник. С таким можно подружиться, обременять не будет. Дом на улицу смотрел небольшими окошками и узкой дверью с козырьком сверху. Леон обошел вокруг и присвистнул. В лес выходило широкое крыльцо с белыми колоннами и большие окна.

По бокам к крыльцу были пристроены две крытые верандочки, огороженные в стиль с колоннами белыми перильцами. На одной верандочке стояла этажерка с книгами и стол с плетеными стульями, а на второй – разместился деревянный диван с подушками всех цветов и размеров. Выглядело уютно.

– Кого-то ищешь? – из-за этажерки выглянул худой белобрысый паренек. – Привет.

– Привет. Заблудился немного, неправильно адрес запомнил. Да уже неважно, опоздал.

– Могу чаем напоить, – улыбнулся парень. – Для компен-

сации. Поднимайся сюда.

– Это твой дом? – поинтересовался Леон. – Красивый.

– Это дом моего деда. Я у него комнату снимаю.

– У деда снимаешь комнату? За деньги?

– А что такого? Он старый человек, ему на лекарства нужно. Я Коля, – парень протянул руку.

– Да, собственно, ничего такого. Леон.

Перед Леоном встала простая задача, уверить Колю, что он отлично устроился и без общежития. На зависть и удивление. Поэтому Леон не скупился на восторги, разглядывая книги по психологии на этажерке, подушки на диване, садовые кусты и лес неподалеку. И чем больше хвалил, тем больше злился на Колю.

Почему не Леону досталась такая прекрасная жизнь? Почему не он по утрам пьет чай на веранде, еще и с вареньем, наверно. На чай можно и девушку красивую пригласить, и друзей, и вести долгие разговоры обо всем на свете. Картина прошлой жизни Леона в новой раме дома Коли выглядела удручающей и беспросветной.

– Я чай принесу, – Коля смущенно улыбался, слушая Леона. – Может дед спуститься, ты не относишься серьезно к его словам. Не обижайся.

– С головой не дружит, – понимающе кивнул Леон.

– Дружит. Но считает, что на преклонный возраст можно списать грубоватые оценки. Не стесняется в выражениях, в общем.

– Да пусть его. Мы, может, еще больше чудить будем,
– Леон обратил внимание на стопку исписанных листов. – Стихи пишешь?

– Нет, что ты. Для стихов талант нужен, вдохновение, чувствительность особая. Это я статью готовлю. Попросили для студенческого журнала.

– О чем статья будет? О любви? Она его за глюки полюбила?

– Да ну, – Коля расхохотался. – Много слов появилось заимствованных в психологии, буллинг, газлайтинг, абьюз, я поясняю термины. Это не научная статья.

– Эйджизм, – подхватил Леон. – Шейминг, виктимблейминг. Знаем, любим, практикуем.

– Ты в теме, – Коля обрадовался. – Почитаешь тогда статью перед отправкой? Чтобы непосвященным понятно было.

– Запросто. Я на втором курсе гуманитарного учусь, а ты, наверно на третьем? Судя по учебникам.

– Да, на третьем. Вот здорово, что ты тут заблудился. А то мне часто и словом не с кем перемолвиться. Приходи в гости в любое время.

– Девушки нет?

– Я скучный товарищ. Таких девушки не любят. Вот ты другое дело. Яркий, раскованный. Полно поклонниц?

Коля хотел еще что-то сказать, но стукнула входная дверь и на веранду вышел старик в странном одеянии. Кожаные штаны в обтяжку, рубаха с попугаями навывпуск, затянутая

широким ремнем с заклепками. На ремне висели пиратские приспособы. Длинные седые волосы были заплетены в косичку. А на ногах сланцы. Обувь делала весь образ комичным.

– Демон в гости пожаловал, – старик посмотрел на Леона в подзорную трубу. – Гони его, Колька. Пока он тут не обосновался.

– Дед, кончай ты. В кои-то веки гость к нам пришел.

– Зачем же гнать демона, – Леон постарался не показать шока. С первого взгляда старик его раскусил. – Демона надо ублажить и приручить.

– Дурак, что ли? – трубу сменил бинокль. Дед целую минуту разглядывал Леона. – Вроде нет. Мягко стелешь, да спать жестко. А может и до утра не доживешь.

– Об этом был последний сериал, который вы посмотрели? – свел в шутку наезд деда Леон.

– Не уходи, а, – Коля вздохнул. – Всех друзей мне распугал. Но демоном еще никого не называл.

– Не уйду. Ты чай обещал.

– Я сейчас, быстро. Дед, ты води себя прилично. Таблетки выпил?

– Не выставляй меня перед демоном больным на голову, – огрызнулся дед. – И чай тащи.

Коля виновато хлопнул Леона по плечу и ушел в дом. Дед схватил листки с Колиной статьей и не глядя выкинул за перила. И опять уставился на Леона, словно ждал возмущен-

ной реакции. Леон пожал плечами. В каждой избушке свои погремушки. Ему ли не знать. Ну, чудит, дед.

Пьесу делает равнодушный зритель. Без Коли деду стало неинтересно выступать. Он сел к столу, дожидаясь чая, и сделал вид, что Леона нет на веранде. Леон не настаивал на общении, но и уходить не собирался. Во-первых, Коля попросил его остаться. А во-вторых, слишком часто Леон уступал чужому диктату по малолетству.

Мать прогоняла маленького Леньку от телевизора или компьютера в комнату. Не слушала уговоров и возражений. Дядя Гриша не прогонял, но начинал свои нудные воспитательные разговоры про учебу, дисциплину и режим сна. Постепенно нащупал болезную тему для Леньки и доставал уже язвительными насмешками про отца.

Леон не просто так сразу откликнулся на статью Коли. На своей шкуре Леон испытал, что любое действие, даже полученную пятерку, могут так вывернуть, что вместо радости почувствуешь лишь собственную ничтожность. Неужели Коле достался личный мучитель, как и Леону? Хотя нет, разница имелась.

Могло так быть, что дед своеобразно любил внука и почему-то не хотел этого показать. Вел себя как пират из мультфильма. На словах злой, на деле за котенком на дерево полезет. А Леона никто не любил. Его сознательно унижали и требовали отказываться от своих целей и желаний.

– Демон умер, да здравствует демон, – сказал вдруг Колин

дед и ехидно посмотрел на Леона.

– В реальности был дракон, а не демон, – откликнулся Леон, надеясь понять, чего дед от него добивается. – Фильм такой есть.

– Какая разница?

– Не знаю. Оба злые и оба с крыльями.

– Не знаешь? – недоверчиво протянул дед.

– А почему я должен знать?

– Жертва демона превращается в демона, – дед истерично захохотал, начал размахивать руками как пьяный дирижер и топтать ногами. – Только так она может выжить. Снять кальку, стать копией, прикинуться своей. И выжить.

– С волками жить, по волчьи выть? Вы это имеете в виду?

Слова деда неприятно отзывались в сердце Леона. Кажалось, что дед его судит и выносит приговор. Ты жертва, Леон. Ты лох, ты виноват. Ты прикидываешься. Ты уже стал подобием своего палача. Ты палач. Ты мечтал быть палачом и стал им. Дед бил прицельно в самое больное место. Леон хотел отомстить дяде Грише. Но палачом себя не считал.

– Эй, вы, – Коля вовремя появился на веранде с подносом в руках. На подносе громоздились чайная посуда, варенье в розетках, печенье и конфеты в плетенках. – Юрий Николаевич, возьмите себя в руки. Помогайте. А то уроню сейчас.

– Демоны варенье не едят, – озорно выкрикнул дед, отодвигая от Леона розетку.

– Едят, – невольно подтвердил Леон свое прозвище.

– Ага, – завопил дед.

Леон готов был плюнуть на чай и варенье и уйти. Но убедил себя остаться. Пусть он демон, начинайте бояться.

Благодарю от всей души за ваше внимание, добрые отклики, лайки и наградки. Это самое лучшее топливо для вдохновения автора.

Глава четвертая

Конец августа, общежитие Лисянского гуманитарного университета

Если очень захотеть, можно в космос улететь. Глупая приписка вертелась в голове Леона всю неделю. Поселилась после гостевания у Коли. Насмотрелся Леон на выступления Колиного деда и заело пластинку. Хотя зачем Леону космос? Там пожить нечем. Земных дел предостаточно.

У всех маньяков одинаковые привычки, хлебом не корми, дай испортить чужую жизнь. Если Юрий Николаевич из той же породы, что и дядя Гриша, моральный урод, то он мастерски распознал тайные желания Леона: утвердиться в сообществе в другом качестве. Не на нижней ступеньке человеческой лестницы, а на самом верху.

Леон прочитал много книг, как властвовать и завоевывать симпатии, а на деле действовал как придется. Навык в голове не означает навыка в реальности. Как-то Леон заглянул в бойцовский клуб Лисянска. Ребята молотили друг друга на пятерку. И очевидно, что стало бы с тем бойцом, кто лишь книжечку прочитал про удары ногами.

Глянув на время, Леон, не торопясь, покинул свою комнату. Студенческий совет устраивал вечеринку и заодно вечер знакомств. Стоило в расслабленной обстановке посмотреть на будущих сокурсников. Ну и начать вести персональ-

ные дневники. В коридоре на него налетела взволнованная Нинель.

– Леон! Я опасалась, что ты забыл о вечеринке. Решила напомнить.

– Вот как? И какие основания у тебя имелись, чтобы подумать о моей плохой памяти?

– Основания? Любой человек может забыть.

– Любой? Спасибо, что я для тебя любой. Мне казалось, что мы подружились.

– Подружились, – Нинель порывисто схватила Леона за руку. – Я не права. Прости, пожалуйста. Это по-дурацки было так сказать.

– Тогда зачем ты побежала за мной? Неужели я единственный, кто немного припозднился на встречу? Все остальные как солдаты уже там?

– Не один. Другие тоже могут опоздать.

– И? Договаривай.

– Я хотела увидеть тебя первой, – щеки Нинель покраснели. Признаться, что Леон ей очень нравится, было преждевременно, но разговор как-то хитро развернулся, что Нинель выложила то, что думала. – Хотела сесть рядом на встрече. Ты не обижаешься?

– На правду нет. За ужимки и ложь буду наказывать.

– А как? Как наказывать?

– Отшлепаю, – Леон смягчил легкой улыбкой свои слова.

– Ты шутишь, – с явным облегчением рассмеялась Ни-

нель.

Леон не шутил, он только приступил к дрессировке этой забавной девушки. Про лягушку в горячем молоке написано в каждом учебнике. Надо варить на медленном огне. Тогда жертва не сопротивляется, привыкает к эмоциональным качелям и границы нормальности размываются.

Ничего предосудительного. Обычная коммуникация. Так это видел Леон. Он пришел к тем, кто наверняка против его восхождения. Но победит он. Потому что он как никто умеет быть хамелеоном. Когда игра надоест, он покинет ринг. И пусть все чешут затылки, что это было.

– Где ты хочешь сесть? – Нинель преданно заглянула в глаза Леону, когда они вошли в холл. Студенты уже занимали места. Кто-то выбирал угол, кто-то садился в центр.

– Поближе к выходу. Будет скучно, уйдем.

– Надо же, некоторые преподаватели пришли. В прошлом году их на вечеринке не было.

– В прошлом году и меня не было, – хмыкнул Леон. Матильду он заметил сразу и понял, зачем она пришла. Вернуть свои позиции. – Я передумал, сядем вон на тот диванчик.

– На тот? – смутилась Нинель. – На самом виду.

– Мы всех увидим. И нас все увидят. Знакомство ведь в этом заключается?

План вхождения в студенческое общество требовалось срочно поменять. Леон судорожно соображал, как ему выгоднее поступить. Не обращать внимания на Матильду, по-

думаешь, преподаватель, пока непонятно, будет ли от нее польза. Или наоборот, подчеркнуть знакомство, позволить Матильде сделать с ним селфи.

– Обычно в начале вечеринки затевают простые игры, – словно оправдываясь, произнесла Нинель. – Но можно не играть, смотреть как другие играют.

– Смотреть на других будем в театре, – Леон поднялся, потянул Нинель за собой.

Игра была веселой, Леон помнил ее по детству. Учительница в средней школе, чтобы ученики не бегали как безумные на переменах, ставила всех парами и заставляла играть в ручеек. Первые влюбленности становились очевидными. Девчонки были посмелее, хватали азартно парней. Парни строили из себя равнодушных мачо.

Пару Леона с Нинель моментально разбили. Яркий цвет волос Леона бросался в глаза, девушки проявляли любопытство и выбирали его, и каждой Леон находил, что сказать. Он хотел нравиться и у него получалось. Имена, которые девчонки шептали, Леон не запоминал. Мелкие рыбешки, одноразово работали на его популярность.

– Я иду к тебе, – Матильда тоже охотилась на Леона и схватила за его руку. – Давай сбежим. Я знаю укромное местечко. Нас не поймают.

– Давай, – насмешливо откликнулся Леон, не собираясь никуда с ней идти. Больше ничего сказать не успел, его утащили от Матильды.

Студентки неосознанно кинулись защищать свою территорию. Этот парень студент, почему он должен достаться преподавательнице. Скоро у Леона рябило в глазах от причесок, украшений, пестрых блузок. Он сам ни разу не выбрал кого-то. Едва вставал в пару с какой-то девушкой, как его перехватывали.

Ликование, что за его внимание идет такая ожесточенная битва, постепенно сходило на нет, уступая место панике. Процессы, которые не получалось возглавить, Леон ненавидел. Он лихорадочно оглядывался, пытаясь найти выход. Внезапно погас свет и чья-то крепкая рука выдернула Леона из круговерти ручейка.

– Шевели лапами.

– Коля, – облегченно выдохнул Леон.

Коля ловко лавировал в темноте между студентами и тащил за собой Леона. Они успели нырнуть в примыкающее к холлу помещение, где хранился реквизит для театральных постановок, и свет включился. Толпа завопила, побеждая внезапный испуг. Коля быстро проверил полки, нашел черную шляпу с широкими полями и нахлобучил ее на Леона.

– Слишком ты заметный. Иди за мной, тут есть пожарный выход на улицу.

– Откуда ты взялся на вечеринке?

– Я такой же студент как и ты, между прочим, хоть и не живу в общежитии. В этот раз что-то много народа заявилось. Обычно человек пятьдесят. По кругу сказали имена,

под дурацкую музыку попрыгали и разошлись.

– Спасибо, что помог. У меня голова поехала от этой толкучки. Как ты догадался? – Леон быстро глянул через плечо, не идет ли кто за ними. И разозлился на себя за трусость.

– Как я догадался, что ты вот-вот в обморок брякнешься?

– Я бы не брякнулся, глупости. Не ожидал просто, что меня будут так рвать на части.

– Привыкай, закаляйся. Тут достаточно психопатов. Обоих полов.

– Все немного психопаты.

– У тебя лицо стало как у зомби. И глаза бешеные. Я понял, что ты на пределе. Что нервная система не вывозит нагрузки.

– Ну и что?

– Один шаг до убийства. Так маньяки и рождаются.

– Ты преувеличиваешь. Наслушался дедовых бредней. Давай провожу тебя. Заодно подышу воздухом перед сном.

– Идем к нам ночевать. Не советую в общаге болтаться. Народ скоро разбредется по городку в поисках веселья.

– Коль, я все-таки не ребенок.

– Я разве такое говорил? Что ты ребенок.

– Не говорил. Но дал понять, что я несамостоятельный и нуждаюсь в защите. Я могу сам дать сдачи.

– Зря ты сейчас накручиваешь себя, пытаешься в своих глазах оправдаться. Я вовсе не считаю тебя слабым. На твоём месте я бы сразу сдох. И Матильда еще.

– Кто эта Матильда?

– Не ври, что не знаешь ее. Она на тебя так смотрела...

– Как?

– Как на свое. Ну вот есть у тебя любимая вещь, ты пылинки с нее сдуваешь, и вдруг кто-то хватает эту вещь без спроса немытыми руками. Ты звереешь и легкоможешь в состояние аффекта впасть. А дальше никакой гарантии, что удастся остудить себя.

– Фантазия у тебя богатая, Коля. Спасибо. Я в порядке. Привет передавай дедушке. От демона. Я зайду как-нибудь, подарю ему дудку капитанскую, – Леон хлопнул Колю по плечу и побежал назад.

Коля давал здравые советы, Леон понимал, что он прав во многом. То, что Коле заказывали научные статьи, подтверждало его уровень знаний. Только Леон не хотел подобной помощи. Как будто они не равны, не приятели, а врач и пациент. Выглядело именно так. Продолжать общение в этом ключе было недальновидно.

– Вот ты где, непослушный мальчишка, – Матильда заступила Леону дорогу, раскинув руки в стороны. – Иди ко мне.

Леон встал как вкопанный. Он хотел встречи с Матильдой, намеревался высказать ей свое недовольство, и не только высказать. Но к тому, что она его опередит, оказался не готов. С яростью он стукнул по ее рукам, ловящим его. Леон ненавидел руки, которые тянулись в его сторону. Слишком напоминало детство и дядю Гришу.

– Отстань, – в этот миг Леон возненавидел Матильду.

– Что с тобой? Тебе не дала девочка? Забудь. Эти девочки как незрелые персики, твердые и невкусные. То ли дело зрелый фрукт.

– А перезрелый?

– Ты злишься на меня?

– Зачем ты пришла на студенческую вечеринку? Выставила меня идиотом.

– Преподаватели могут приходить на вечеринки.

– А ты не должна! Не смей приходить! – Леон не сдержался, ударил Матильду по щеке.

– Какой ты, – Матильда расхохоталась. – Ревнуешь? Не надо, мой милый. Поверь, после тебя я никого к себе не подпускала.

– А что, были желающие? – совсем уж по-хамски спросил Леон. Он припомнил, как Коля говорил о Матильде, и пожалел, что не пошел к нему ночевать.

– Были, – игриво пропела Матильда, но Леон понял, что она врет. Если бы нашлись желающие, то не стала бы Матильда так оголтело бегать за нищим студентом второго курса.

– Ну веди, – снисходительно выплюнул Леон. – Что ты там собиралась мне показать? В общем, я все видел. Ничего особенного. У каждой есть.

– У каждой есть что-то, а у меня ничто.

– Неужели? – Леон рассчитывал, что Матильда взбрыкнет

от его оскорбительного тона и нелестных сравнений, но получилось наоборот.

Матильда облизывала губы как порноактриса, обводила ладонями грудь и хихикала. Достала из сумочки две связки ключей и протянула Леону. Одна связка, Леон узнал, была ключами от машины, а вторая – скорей всего, от квартиры, где жила Матильда. Легкая победа раздосадовала Леона.

– Спрячь, не нуждаюсь, – искушение грызло, но Леон догадывался, что взяв ключи он превратится в муху, которую поймал паук. Ловушка, из нее потом не выбраться. Леон сунул руки в карманы, чтобы показать твердость ответа. – Знаешь, я что-то устал сегодня. Встретимся завтра.

– Завтра? – Матильда не ожидала такого поворота. Была уверена, что за машину Леон побежит за ней вприпрыжку. – Нет! Сегодня. Я так хочу!

– Не заслужила. Научишься вести себя хорошо, тогда и поговорим.

– Завтра? – уже с надеждой спросила Матильда.

– Не знаю. Какое будет настроение, – небрежно ответил Леон.

Сейчас ему было странно, что он так испугался. Ну, напомнила Матильда своими действиями дядю Гришу, Леон в любом случае должен сохранять самообладание. Зарубить себе на носу, он главный. Чтобы такого больше не было в будущем: возникла дурацкая неожиданность и он запаниковал.

– Лео, ты жесток, – заныла Матильда. – Я ради тебя

рисковую репутацией.

– Не рискуй, – Леон пожал плечами. – Я тебя об этом не прошу. И да. Зови меня Демон.

– Как?

Отвечать Леон не стал, повернулся и пошел к себе. Уверенный в своем праве отвергнуть приставания Матильды без всяких последствий. Вот сейчас он на глубинном уровне понял подсказку деда Коли. Это так – жертва может защититься от палача только став такой же как палач. В данном случае, как Матильда.

В своей комнате Леон долго стоял перед зеркалом. Вглядывался, пытаясь отыскать то испуганного мальчика, то сильного мужчину, то хитрого правителя. И уже злился на себя за панику на вечеринке. И на Колю злился за то, что тот видел, насколько Леон слаб психически. На Нинель тоже злился. Избалованная дуреха.

– Вот вы все у меня где, – показал Леон кулак самому себе в зеркале. И решился на признание, опровергая собственное бахвальство. – Я придурок. Облажался. Не подготовился. Слишком много триггеров. На новом месте все повылазило. Справлюсь? Не знаю. И что делать? Завтра может возникнуть более сложная ситуация. И Матильда начнет меня загонять как дикого зверя. Я вынужден буду отвечать, защищаться. Зря я с ней связался. А с кем еще я мог связаться? Такой, какой я есть, я и буду притягивать таких, как Матильда. Скоро начнутся занятия. Я молодец, что понизил курс.

Но мне нужен сообщник. Коля? Почему нет? Пусть прикроет меня. Если ходить вдвоем, Матильда не полезет с поцелуями.

Леон взвешивал ситуацию, прикидывал, и все-таки решился позвонить Коле. Не стал ждать утра. Утром все будет казаться лучше, чем ночью. Леон струсит, убедит себя, что ерундовая проблемка. Коля уже спал, но ответил на звонок. Не открывая всей правды, Леон попросил поработать с ним.

– Я ведь не специалист в полном смысле слова. Могу как друг тебя выслушать. Ну, что-то посоветовать.

– Это мне и надо, Коля.

Глава пятая

Середина сентября, окрестности Лисянска

Учеба началась и Леон предсказуемо выбился в любимчики практически всех преподавателей. У него хватало ума не подсказывать на лекциях, не хвастаться своими знаниями, на вопросы он отвечал с небольшой заминкой, словно думал, прежде, чем сказать, и легко сложился образ умного, рассудительного парня.

Нинель могла бы его разоблачить, но она училась на курс старше, в другом корпусе. И к началу учебы потеряла всякую критичность в отношении Леона. Не зная как достойно выразить свою любовь, чтобы Леон не рассердился на нее и не наказал равнодушным молчанием, Нинель завела дневник.

Записывала туда любовные стихи известных поэтов, перемешивала строчки и смыслы, создавая стихи, особо трогающие ее сердце. Когда Леон бывал в хорошем настроении, Нинель читала ему эти творения срывающимся голосом, надеясь поймать одобрительный взгляд. Леон хвалил, не смеялся, и Нинель чувствовала себя счастливой.

С Колей на переменах Леон не разговаривал, не хотел, чтобы их дружба бросалась в глаза, но в дом у леса приходил. Свои проблемы Леон, естественно, подкорректировал, всю правду о своем детстве он не собирался никому рассказывать. А Коля мягко, но настойчиво, объяснял, направлял

и никогда не указывал, как поступить.

– Погуляем вечером? – Нинель ждала Леона на крыльце, у нее лекция закончилась раньше.

– Завтра. Сегодня я занят.

– Как скажешь, – улыбнулась Нинель, стараясь не показать свое огорчение. – У меня есть новые стихи.

– Это мило, – бросил мимоходом Леон. Стихи ему чаще не нравились, чем нравились, но он поощрял это безобидное занятие, чтобы Нинель не докучала ему.

– Я провожу тебя. Немного.

– Проводи.

– Скажи, тебе нравится Матильда?

– Нет, – резко ответил Леон.

– Она бегают за тобой. Все говорят. Раньше у нее было много любимчиков, а теперь никого. Девочки застали ее в магазине, она трусы выбирала. Мужские. Подарит, наверно, тебе, – голосе Нинель звучала ревнивая обида. Она не хотела заводить это разговор, вырвалось само. И теперь Леон точно рассердится на нее.

– Все говорят? Про мужские трусы? – новость не понравилась Леону. – И ты?

– Если подарит, ты возьмешь?

– Не возьму! Легче тебе стало?

– Леон, пожалуйста, не сердись. Я больше не буду!

– Будешь, куда ты денешься. Только имей в виду, ты со своими трусами уже у красной черты.

– Прости меня!

– Отстань, – Леон собирался свернуть за угол и сбежать, но увидел, как из общежития выходит Матильда. Шагнув назад, он приобнял Нинель за плечи и чмокнул в щеку. – До завтра, крошка.

– До завтра, – Нинель радостно выдохнула в спину Леону и совсем тихо прошептала. – Красавчик.

Если бы Матильда так яростно не велась на откровенные манипуляции Леона, он бы, скорее всего, просто забыл о ней. Это в его жалком городишке ему казалось, что закрутить роман с преподавательницей старше себя это круто. Но попав в студенческую среду, где было достаточно по-настоящему отвязных парней, Леон отказался от своей затеи.

А Матильда, как ни удивительно, вовлекалась все сильнее. Караулила, подсаживалась в библиотеке и, действительно, покупала ему подарки. Леон считал, что подачки унижают его, делают зависимым, и всячески уклонялся. И раззадоривал Матильду еще сильнее. В какой-то момент ему стало нравиться сталкивать лбами Нинель и Матильду.

Обе ревновали, обе злились, но не на Леона, а друг на дружку. Ему-то как раз доставались их улыбки и многообещающие взгляды. Со своей стороны Леон держал дистанцию. Это было совсем просто, ведь он не любил этих женщин. Про их любовь Леон размышлял отстраненно, даже с некоторым презрением.

От Матильды Леон легко увернулся. Несколько вечеров

он специально потратил на прогулки по Лисянску, изучил все дорожки, повороты, проходные дворы и тупики. Проложил самый короткий маршрут к дому Коли. Колин дед уехал погостить к своим друзьям, Леон радовался этому и заглядывал в дом у леса почти каждый вечер.

– Не надоел еще? – спросил вместо приветствия Леон и тотчас мысленно выругал себя за это. Зачем он выставляет себя прилипалой и напрашивается на поощрение как Нинель.

– Я рад тебе. Уже чай заварил, – Коля протянул руку. – Привет. Выбрал тему для разговора?

– Сдаюсь на милость друга. Выбери ты.

– Многие ставят прошлое впереди будущего. Хочешь такую тему?

– Хочу. Но лучше что-нибудь про страхи. Подскажи мне задание на преодоление. Чтобы я мог сейчас выполнить.

– Задание? Боишься темного леса?

– Не знаю. Может быть.

– Тогда вон дорога через лес. Она не освещается. Пройди по ней с километр и вернись. И поговорим.

Прикинув, что километр это минут двадцать неспешного хода, Леон кивнул. Даже почувствовал азарт. Интересный вызов, чтобы вернуть себе былую уверенность в своей правоте. Когда Леон ловил Матильду на трассе, он был железобетонно уверен в придуманном плане. И кое в чем ошибся.

Покорить Матильду получилось, а вот терпеть ее ради

собственных целей Леон не смог. И вывод напрашивался простой – надо знать не только людей, с которыми собрался взаимодействовать, требуется себя изучить гораздо лучше. Коля хорошо помогал разобраться в себе, но его помощь была односторонней.

Леону нужен был еще кто-то. Совершенно посторонний человек. Участливый, но не слабый и не влюбленный в него как Нинель. Сообразительный, но не видевший его в провальных ситуациях как Коля. И желательно тоже раненый прошлым. Леон не особо верил, что такой человек найдется, но мечтал найти своеобразное зеркало для себя.

В темном лесу было совсем не страшно. Да и кого бояться? Разбойников? Тихие звуки не пугали. Легкий шелест листьев от ветра, шорох шагов. Шел бы и шел. Без цели, в никуда. Звездам все равно, что за человечек пляшет на них. Мышкам тоже все равно, зайцам, птицам. Можно возвращаться. Глупо идти вперед, если ничего не ждешь.

Впереди мелькнул свет фар и Леон удивился. По этой дороге никто не ездил. Разве что местные за грибами в лес. Но для грибов поздновато. Была бы дорога оживленной, Коля не предложил бы ее для ночного испытания. Спрятавшись за деревом, Леон наблюдал, как машина медленно приближалась и вдруг остановилась.

– Кому-то еще нужно преодоление? – хохотнул Леон. – Этой курочке?

Из машины вышла девчонка. С нелепой прической, такие

уже и школьницы не носят, одетая в вязаную кофту и спортивные штаны. Девчонка испуганно оглядывалась и, наконец, решилась зайти за машину. Леон мгновенно придумал каверзу и подкрался поближе. А когда машина тронулась, выскочил из леса и картинно упал на капот.

– Эй! Вы с ума сошли? – голос девчонки дрожал от страха. – Я только тронулась, я не могла вас сбить! Дорога пустая. Куда вы смотрели? Фары горят. Вы, что, их не видели? Черт, он, кажется, не дышит. Эй! Да очнись ты!

Леон сполз с капота и застонал. Любопытно было, что девчонка станет с ним делать. Бросит в лесу или нет. Дуреха, не догадалась, что до потери сознания с такой скоростью движения человека не ударить. Теплое дыхание коснулось лица и Леон открыл глаза. Девчонка резко отстранилась и закусила губу.

– Привет, малышка, – Леону стало стыдно, в глазах незнакомки плескался нешуточный страх. Эту эмоцию он знал слишком хорошо. Страх не сиюминутный, вызванный обстоятельствами, а давний, привычный. – Ты меня не больно сбילה, не переживай. Руки-ноги целы.

– А голова?

– За голову не поручусь. Подбросишь до города? Тут рядом.

– До города?

– Ну да. Ты что, против? Тогда я иду к тебе!

– Нет! – девчонка вскочила и кинулась к машине. Пока

Леон поднимался и отряхивал пыль с джинсов, она заперлась в машине, сдала назад и газанула.

– Где твое человеколюбие? Бросить человека ночью в лесу негуманно. Я не маньяк. Эй, как тебя зовут? Подожди.

Кричал Леон зря, машина стремительно удалялась. Эта ненормальная решила, что он насильник? Уже попадала в такие ситуации или просто решила не утруждать себя? Непонятно, удалась шутка или нет. Леон пожал плечами. А он сам, как бы поступил? Если бы из леса ночью вышел человек и бросился ему под колеса?

– Ладно. На первый раз прощается, – Леон вспомнил, что Коля говорил о людях, которые ставят прошлое впереди будущего. Вот эта курочка так и сделала. – Я найду эту малышку и докажу, что она не права. Найду и накажу за все прегрешения. Найду и посажу под замок. Найду и расскажу ей... Хватит! Веду себя как идиот.

Как ни старался Леон свести к нулю значимость встречи, у него не получалось. Испуганный взгляд, пухлые губы, ямочка на подбородке, криво выстриженная челка, внешность девчонки словно отпечатались на внутреннем экране. Леон дотронулся до своей ямочки на подбородке. Может он завис потому что они похожи?

Так бывает. Вдруг попадается двойник. Интересно, какого цвета у незнакомки глаза? Леон не успел разглядеть. Наверно, карие, волосы же темные. А кожа нежная, матовая. И пахло чем-то приятным. Ванилью? Зачем Леон смакует эти

подробности? Мало ему занудных проблем с Матильдой и Нинель? Не станет он преследовать эту дикарку.

– Я уже хотел тебя искать, – Коля топтался на крыльце, всматриваясь в лес, искренне обрадовался, что Леон не потерялся. – Все нормально с тобой?

– Вроде да. Так, что там с прошлым и будущим? Срочно хочу узнать!

Леон сел за стол, налил себе чай, звонко покрутил ложкой в чашке, хотя сахар забыл положить, и поднял глаза на Колю. Приятель смотрел на него с недоумением, но по своей привычке деликатничать ничего больше не спрашивал. Леон пожал плечами, можно было не секретничать, рассказать о девчонке, только не хотелось.

– Ну, смотри, – Коля поставил перед собой вазочку с вишневым вареньем, а чуть поодаль – сахарницу. Прочертил пальцем на скатерти линию между ними. – Большинство людей считает, что они продукт прошлого, а значит, прошлое на них влияет и они обязаны соответствовать. Даже если люди хотят поменять жизнь и привычки, они все равно оглядываются и сверяются. Это мне можно, а это нельзя.

– Но ведь это правда, что я продукт прошлого, – насупился Леон. – Я не могу, да и не хочу, прикидываться, что мать меня любила. Она не любила! Я ей мешал. Те дети, которых любили в детстве, имеют фору.

– Ты так думаешь, что имеют фору, что им больше повезло, но в реальности, в эту минуту, когда формируется буду-

щее, нет, не имеют.

– Не хочу спорить и вникать. Я был бы другим, будь у меня другая мать.

– Да, был бы другим, – мягко увещевал Коля. – Твои поступки могут опираться на обиду на мать. Но ты можешь действовать, как угодно. Как любимый сын или как нелюбимый. Понимаешь?

– Нет!

– Ты веришь, что прошлое на тебя влияет. Схватило и держит. И на твое будущее тоже влияет. Но будь внимательным. Пока ты веришь, что влияет, ты зависишь. Перестанешь верить, и ты свободен!

– Перестану верить? Так просто? Ты мне голову морочишь! Я сделал то, что сделал, только потому что у меня было такое прошлое. Связался с Матильдой, – Леон осекся. Пусть Коля и не станет трепаться, о некоторых вещах не стоило говорить.

– А ты попробуй.

– Стать другим? Или что? Отречься от прошлого? Жить вопреки?

– Леон, ты горячишься и нарочно отвергаешь то, что я говорю. Вовсе не вопреки.

– Отвергаю! Потому что это не выход. Врать и прикидываться. Себе врать, а перед другими прикидываться.

Леон резко отодвинул чашку и пролил чай на скатерть. Кинулся вытирать салфеткой и сделал только хуже. Пятно

расползлось. Пришлось сжать кулаки под столом, чтобы не показать свою злость. Коля предлагал что-то умно-простое и действенное, Леон это чувствовал, а поймать идею не мог. Не хотел, получалось, чтобы обиды вдруг исчезли.

– Я против лжи даже во спасение. Ладно, закончим на этом.

– Скажи еще раз свою мысль, – ссориться с Колей Леон не планировал. А если сейчас они разойдутся, дружба и доверие могут закончиться.

– Свобода это поступать так, словно никто тебе палки в колеса не вставляет и не толкает в спину. Например, ты мошенник.

– Спасибо.

– Леон, да что с тобой? Хорошо, я мошенник. Я обманывал людей всю свою жизнь. Но в любой момент я могу начать жить как честный человек. Годы вранья не в счет. Может мне и трудно будет не ловчить, только я все равно начну жить правдиво. Я не зачеркиваю прошлое, я помню о нем, я знаю, что умею найти и развести лоха. Ну и что? Не прошлое мной управляет, а мое желание быть другим.

– Я поразмыслю над твоими словами, – Леон поднялся. – Иногда сложное понять просто, а простое – сложно.

– Ты не хочешь быть другим. Поэтому прошлое важно для тебя. Как оправдание.

– Еще скажи, что я демон.

– Извини, я ляпнул лишнее. Ты имеешь право на свое

мнение, свои выводы и свои решения.

– Я пойду, Коль. Спасибо тебе за угощение.

– Оставайся. Не будем больше обсуждать такие вещи.

Фильм посмотрим. Или можно почитать.

– В другой раз.

Леон заторопился в общежитие. Почти бежал, не осознавая, что его гонит. На парковке под фонарем стояла девчонка, та самая, из леса, и плакала.

Глава шестая

Середина сентября, общежитие Лисянского гуманитарного университета и дом у леса

Женские слезы почему-то считаются будоражащим, даже невыносимым, явлением для мужских нервов. Леон в эти глупые придумки не верил. Он бы, пожалуй, с трудом вынес слезы Коли, например, или другого парня, а слезы женщин настолько рядовое дело, что обращать на них внимание не стоило.

Над слезами матери Леон бы позлорадствовал, мимо слез надоевшей до чертиков Матильды прошел бы равнодушно, а слезы Нинель, решив она зарыдать перед ним, просто высмеял. Слезы незнакомой девчонки действовали оглушительно. Пыльным мешком по голове. Леон замер столбом неподалеку и растерянно ждал.

– Эй! Ты только не бойся, – негромко позвал Леон. Едва не брякнул присказку “ты против, тогда я иду к тебе”, но удержался.

Леон вдруг понял, что ему втолковывал Коля. Эти слова “иду к тебе” постоянно повторял дядя Гриша, когда пугал маленького Леньку. Леон впитал их и пользовался, чтобы казаться таким же страшным как его мучитель. А можно плюнуть на присказку. Пугать девчонку незачем, она и так ревет от страха и беспомощности.

– Не подходи, – девчонка отскочила к своей машине.

– Ладно, не подхожу. Стою на месте, – Леон поднял руки вверх. – Я помочь хочу. Всего лишь. Почему плачешь?

– Я карту потеряла, – призналась девчонка. – Наличных не хватит, чтобы за гостиницу заплатить.

– В лесу потеряла? – Леону стало стыдно. Наверно, девчонка выронила карту из кармана, когда шарахнулась от него.

– Не знаю. Я заправляла машину, платила, а потом не проверяла. Могла и на заправке выронить.

– Утром можно поискать в лесу, – неожиданно для себя предложил Леон. – Сейчас все равно темно ехать туда.

– Бензина не хватит. Я совсем чуть-чуть заправила. Чтобы до Лисянска хватило.

– Тут и пешком недалеко. Я провожу, – Леона напрягало, что девчонка не радуется его участию. Ему нелегко было вот так спокойно с ней разговаривать, не язвить и не вынуждать подчиниться. – Если бы на заправке потеряла, кто-то бы уже нашел и деньги начал тратить. Были сообщения из банка?

– Нет, – девчонка слабо улыбнулась.

– Тогда в лесу потеряла. А зайцы банкоматом не умеют пользоваться.

– Наверно, да. Спасибо. Я в машине посижу до утра.

– Замерзнешь, – Леон потер руки и кивнул в сторону лужи, в которой плавали льдинки. – Ночью еще похолодает. Бензина мало, печку не врубишь.

– Что ж делать, если такая ворона. У меня плед есть. Как-нибудь дождусь утра.

Покорность и смирение перед обстоятельствами были хорошо знакомы Леону. Он ненавидел себя, когда приходилось отступать перед чужой силой. А отступать приходилось часто. Девчонка легко смирилась и не попросила помощи, не навязывалась, наоборот, хотела отделаться от него.

– Как-нибудь дождись. Удачи, – Леон помахал рукой и отправился к себе. Хотел денег предложить, но понял, что девчонка не возьмет. Предложишь и останешься в дураках. Зачем тогда напрягаться?

В комнате Леон покосился на вторую кровать. Не стал ее убирать, хотя поначалу собирался. В любой момент ситуация могла измениться, решат подселить кого-то или Матильда заглянет. Тогда удобно сказать, что сосед вот-вот вернется. Привычка думать наперед, как себя обезопасить, была насущной необходимостью.

– Черт, правда же холодно, – Леон прибавил температуру на батарее, если он мерз, то спал плохо. – Дуреха уши себе отморозит. И нос. Пусть. Гонору убавится.

Мысли против воли снова и снова обращались к девчонке. А вдруг она уснет и не проснется? Люди же запросто во сне умирают. На его совести это будет. Леон не выдержал, уже через полчаса побежал назад, на парковку. Девчонка сидела скрючившись на пассажирском сиденье и терла нос. На осторожный стук испуганно вскинулась.

– Выходи! – Леон открыл дверь и потянул упрямую девчонку за рукав. – Нечего тут страдать.

– Я не страдаю.

– Вижу. Говорить уже не можешь, зубы стучат на всю округу.

– Не ври, не стучат.

– Запирай машину и пошли.

– Куда?

– Тут рядом, – Леон поостерегся сказать, что к нему. – Гостиница бесплатная.

К счастью, в коридорах им никто не встретился. Почти из всех комнат доносился храп, лишь где-то пели под гитару. Леон пропустил гостью в комнату и, на всякий случай, постоял на пороге и огляделся. Сразу запер дверь, как делал всегда. Сюрпризы не нужны. Ни от загулявших студентов, ни от проверяющих преподавателей.

– Это твоя комната? Да? Вовсе не гостиница.

– Какая разница? Если хочешь горячего выпить, то чайник поставлю. Твоя кровать вон та. Не переживай, на ней никто не спал, белье чистое. Я утром уйду на лекции, ты спи сколько хочешь. Когда вернусь, ходим в лес за твоей картой. Без меня по общежитию лучше не шастай. Нравы не строгие, на гостей смотрят сквозь пальцы, нарываться все равно не надо. Туалет есть, дверь за шкафом.

– Неудобно как-то.

– Удобно! Все, гашу свет. Меня Леон зовут. Высоков

Леон. Ну так, для приличия познакомимся.

– Анжелика Короткова. Можно Лика. Только ты не говори никому про меня.

– Супер, – Леон засмеялся. Их фамилии забавно перекликались. – Спокойной ночи, Лика.

Первую лекцию Леон спонтанно решил пропустить. Современные методы преподавания он потом пересчитет. С утра правильнее наведаться в лес. Дорога заброшенная, но понесло же туда Анжелику. И Леона. Как специально их лбами столкнули. А вдруг еще кого-то занесет. Тогда Лика останется без денег.

Судя по ее поведению, родителям она звонить не собиралась, рассчитывала только на свои силы. Леону эта черта понравилась. Он и в Коле уважал, прежде всего, самостоятельность. Поэтому намеревался сам проявить взрослость и ответственность. И заодно сказать Коле спасибо. За желанное будущее без нежеланного прошлого.

Лес встретил Леона как старого знакомого, швырял под ноги пожухлые листья и завлекал ярко-красными ягодами рябины. Там, где стояла машина Лики и где лежал Леон, карты не оказалось. Леон покружил рядом, прошел несколько метров по дороге и в траве на обочине заметил разноцветный пластиковый прямоугольник.

– Есть! – Леон обрадовался так, словно свою пропажу нашел. Край карты кто-то уже попробовал на зуб. – Опоздал бы немного и вороны утащили. Повезло чудачке.

Леон покрутил карту в руках. А если не отдавать? Нет, деньги он присваивать не будет, он не вор. Карту можно новую сделать и деньги сохранятся. Просто без карты Анжелика какое-то время останется под покровительством Леона. Они получше узнают друг друга. С картой она сегодня же уйдет в гостиницу.

– Нехилая задачка на вшивость, – Леон прищелкнул пальцами. – Зайти к Коле? Обсудить будущее бывшего мошенника? Хотя, он на лекции, скорей всего.

До веранды Леон все равно дошел, мало ли, проспал Коля. Из дома доносились голоса, Леон сдал назад и спрятался за угол. Колин дед, похоже, вернулся раньше времени, а с ним встречаться Леону не хотелось. Опять начнутся загадки, туманные намеки, клички и перетягивание каната.

– Колька! Не дружи с ним! – дед орал как обычно, не стесняясь соседей. – Кому говорю!

– Я сам решу, с кем мне дружить, – огрызнулся Коля, но как-то неубедительно. – Тебе никто не нравится. А Леон добрый парень, немного запутался.

– Добрый? Ты знаешь, чего он учудил? Как этот добрый парень с родной матерью обошелся, знаешь? Не привечай его!

– Меня чужое прошлое не касается!

Леон попятился. Хитер старик, наведалься, не поленился, в родной город Леона. Сумел как-то адрес выяснить. Коля пока встал на сторону Леона, но надолго ли. Дед обязатель-

но красочно изложит факты, соврет, потребует прекращения дружбы. Поколебавшись, Леон вернулся к веранде, будь, что будет, он не трус.

Завидев Леона, дед подбоченился, сразу понял, что его обвинительные слова были услышаны. Собирался еще что-то сказать, но Леон положил ему руку на плечо и сжал пальцы. Запугивать себя Леон не позволит и ссорить с Колей тоже. А мать несколько не жалко, даже любопытно, чем там дело закончилось.

– Мне следует поступить также, Юрий Николаевич? – наклонившись к самому лицу Колиного деда, спросил Леон. – Порыться на досуге в грязном белье сумасбродного старикашки? Какой период вашей жизни наполнен сомнительными поступками? Молодость? Зрелость? Старость не трогаю, ясно, что пороха на донышке осталось. Хватает только на то, чтобы изводить внука.

– Мальчишка! – дед попытался освободить плечо, но Леон сильнее сжал пальцы. – Ты в моем доме! Не забывайся!

– Так что? Начнем соревнование? У кого больше окажется неблагоприятных поступков за спиной? Вряд ли у меня. Ваша въедливость о многом говорит.

– Демон! Убирайся! Тебя никто не приглашал!

– Вы же гостили в моем доме без приглашения, я вам отвечаю той же монетой. Коля, как насчет завтрака? Сварганишь чай с бутербродами? Мне парочку заверни с собой.

– Сварганю, – Коля не хотел обострять конфликт и резон-

но рассудил, что если друг уйдет, то страсти без зрителя по-
утихнут.

– Не давай ему ничего, Колька! Не заслужил! Бутерброды
ему. Яду крысиного в самый раз.

– Учите внука жадности? Мало того, что вы с него деньги
за проживание берете, в клоуна играете, так еще потом без
наследства оставите. Поэтому не хотите, чтобы он с кем-то
подружился?

– Подружился? – уцепился за последнее слово Юрий Ни-
колаевич и Леон понял, что так и будет. Попользуется дед
заботой Коли, а потом выгонит. – Какой из демона друг?

– Да уж получше, чем из вас дед.

Леон понимал, что злоупотребляет законами гостеприим-
ства, но отступить не мог. Коля научил, что даже вечный бег-
лец может остановиться. Леон остановился. Он только на-
чал осознавать себя свободным от своих жалобно-гордели-
вых планов человеком и не хотел действовать как обижен-
ный мальчик. Не хотел, но действовал.

Зловредный старик умел всколыхнуть самые темные глу-
бины человеческой души, поднять со дна густую мутную жи-
жу, и делал это с удовольствием. Коля будил в Леоне светлое
начало, а дед умудрялся вызвать гнев и желание крушить все
подряд. Подобное притягивает подобное, эта мысль пугала
и отрезвляла.

Поединок с дедом Коли продолжался с переменным успе-
хом. То Леон загонял старика резкими словами в угол, то дед

обезоруживал его ехиной насмешкой. Они всерьез грозили друг другу разоблачением и небесными карами. Дед все-таки сдался первым и скрылся в доме. Коля, видимо, этого и ждал, вышел на веранду с пакетом и сунул в руки Леону.

– Иди. У себя перекусишь. Увидимся в институте. Спасибо тебе.

– Увидимся, – Леон кивнул. – За что спасибо? Я наоборот, извиниться, наверно, должен. Дед хреновый, но он дед.

– Другие ребята обычно сбегали, никому связываться не хотелось. Ну и дружба заканчивалась. Сам понимаешь, нервы стальные надо иметь, чтобы с дедом общаться.

– Зачем же ты с ним живешь? Хотя, не отвечай. Я зря спросил. Был бы получше вариант, ты бы им воспользовался.

– Ты еще придешь? Может через недельку?

– Приду. Но ты должен знать, дед тебе сказал правду. Я свою комнату замуровал, чтобы мать не могла попасть.

– Зачем замуровал? Хотя, не отвечай, – Коля усмехнулся. – Лучшего варианта не было.

– Не было, – Леон пожал плечами. – Я хотел мстить. И мстил. И буду мстить. Когда надоест, тогда перестану.

– Я тебе не судья. Только помни, что часто виноваты одни, а мстят другим. Это в приключенческих книжках красиво выглядит, а на деле мститель ничуть не лучше обидчика.

– А я и не хочу быть лучше. Я хочу быть хуже.

– Да будь ты кем хочешь, – отмахнулся Коля. – Твоя жизнь. Мечешься, это нормально. На правильную дорогу все

равно выулишь. Стержень есть в тебе.

– Псих со стержнем, – Леон шумно выдохнул. – Двусмысленно как-то. Деду привет от демона передавай.

– Не понадобится. Уверен, что он подслушивает.

– Куда я попал. Будто мало своих проблем.

Леон уходил от Коли в смешанных чувствах. Словно резко повзрослел и увидел, что сосредоточенный и приветливый Коля, готовый всегда прийти на помощь, нуждается в его защите. Также как Анжелика. Вспомнив о девчонке Леон зашагал быстрее. Как она там? Выспалась? А может уже исчезла?

Собственно, бутерброды Леон выпросил у Коли для нее. Хотел, чтобы гостья почувствовала заботу. Обидно будет, если зря старался. Или не обидно? Леон вдруг понял, что сердиться не станет, простит Анжелике любой поступок. И благодарности от нее за приют не потребует.

Анжелика не исчезла. Она даже не вставала, так и лежала под одеялом, укрывшись с головой. Леон забеспокоился, позвал, осторожно приоткрыл одеяло. Красные щеки и лоб, сухие губы, воспаленные глаза, девчонка наверняка простыла. Сидела ведь в холодной машине. А может это стресс так проявляется?

– Лица, – Леон приложил ладонь ко лбу девчонки. – Тебе плохо? Температура?

– Мне холодно. Знобит. Все тело ломит.

– Я сейчас чаю сделаю. И за лекарствами схожу в аптеку.

- Не говори никому.
- Что не говорить? Про твою болезнь?
- Вообще про меня не говори.
- Не скажу, не бойся. Ты скрываешься? От кого?
- Я из дома сбежала. Не вернусь к ним.

Глава седьмая

Середина сентября, общежитие Лисянского гуманитарного университета и город Анжелики

В аптечном киоске Леона подловила Нинель. Дождалась в сторонке, пока он рассчитается за лекарства, и подбежала с радостной улыбкой. Леон вытянул руку, не подпуская к себе девушку, как обычно Нинель была нехвати, и потряс перед ее носом пакетом с лекарствами.

– Ты заболел? И сам лекарства покупаешь, – в глазах Нинель блеснули слезы. – Позвонил бы.

– Не подходи, а то заразишься.

– Я маску надену. Буду ухаживать за тобой.

– Нет. Роль больного беспомощного мальчика мне не нравится.

– Ты шутишь? В такой роли тебя и представить невозможно, – Нинель шла за Леоном след в след и вздыхала.

– Иди на занятия, у кого я потом списывать буду? – как назло на улице им опять встретила Матильда, Леон отвернулся, но позвоночником ощутил ее враждебность. – Договорились?

– Конечно, – обрадовалась Нинель. – Я буду учиться за себя и за тебя. Для тебя.

– Суперская идея.

Леон заторопился проскользнуть в общежитие и запер

входную дверь на щеколду. Кто-нибудь откроет, главное, чтобы Матильда не догнала его и не обнаружила у него в комнате малышку Анжелику. Леон не анализировал свое внезапное странно-заботливое отношение к новой знакомой и не осознавал дистанции между ними.

Не станешь же анализировать, как ты относишься к руке или шее, измерять психологическую дистанцию и очерчивать границы. Просто знаешь, что они есть, рука и шея, и пользуешься ими. А если им что-то требуется, перевязка, тепло или покой, то просто перевязываешь и укутываешь.

– Ли́ка, как ты, малышка? – пока Леон отсутствовал, Ли́ка попыталась встать, но и пары шагов не смогла сделать. – Зачем ты? На полу холодно. Сейчас дам лекарство. Только сначала тебе съесть бы что-нибудь.

– Машина, моя машина там на стоянке, – прошептала Ли́ка.

– Ну и что, – Леон легко поднял Ли́ку на руки и сел вместе с ней на кровать. Целомудренно укрыл одеялом. Дотронулся губами до лба и покачал головой. Температура никуда не делась. – На стоянке никто ее не тронет.

– Они поймут, что я здесь.

– Они это твои родители? От которых ты сбежала?

– Да. Я хотела спрятать машину где-нибудь. И заболела.

– Послушай, человека можно отыскать не только по машине. Есть камеры на заправках, в магазинах. Вот, я нашел твою банковскую карту. Но если ты будешь тратить с нее

деньги, тебя вычислить легче легкого. У каждого банкомата есть адрес и тоже камера.

– Да? – голос у Лики дрогнул и в следующую секунду она заплакала. Как обиженный ребенок, которому пообещали подарок и обманули.

– Ты совершеннолетняя, Лика. Ты можешь одна жить. Учиться, где захочешь. Зарабатывать. Посмотри, сколько ребят и девчонок живут самостоятельно. Я, например.

– Ты их не знаешь. Они мне не позволят. Я их боюсь до одури.

– Боишься? Они тебя били? Издевались? Наказывали?

– Нет. Но лучше бы били. Тогда я могла бы пойти в полицию и показать синяки. И меня бы отдали в детдом.

– Глупость какая, – Леон не подозревал, что так может быть, но Лика словно превратилась в перепуганного до обморока маленького Ленку. В детстве Леон не мог себя защитить, а Лику сейчас сможет.

– Что мне делать? Я вырвалась из дома только потому, что отцу вздумалось написать письмо своему другу. Наверно, клянит деньги на лечение. Я должна была отдать письмо, но поехала сюда. Хотела перевестись как-нибудь из института. Наивно, да?

– Значит, так, – Леон почувствовал себя взрослым и всемогущим. – Я отгоню машину в твой город, оставлю под окнами. И сниму деньги с карты. Они решат, что ты вернулась, но что-то с тобой случилось. Будут искать, но не здесь, а там.

Понимаешь? По крайней мере, первое время.

– А потом?

– А потом полиции надоест возиться с твоими поисками. Людей пропадает огромное количество. Надо подумать, как тебе изменить внешность. Имя тоже желательно поменять. Но это не срочно. Сейчас тебе надо выздороветь. Спать побольше.

– Когда ты сможешь отогнать машину? Ехать далеко. Я могла бы поехать с тобой. Завтра наверняка мне станет легче.

– Нет. Ты останешься здесь. Будешь лежать, пить лекарства и выздоравливать. Придется посидеть взаперти. На стук не отвечай.

– Я посижу. Все равно сил нет никаких.

– Отлично.

– Но твоя учеба пострадает. Тебя потеряют и заругают за пропуски. Зачем тебе сложности из-за меня?

– Учеба ерунда, – Леон колебался, говорить ли заболевшей и плачущей девчонке, как он видит ситуацию, решил лишь аккуратно намекнуть. – Ты поливала цветы когда-нибудь?

– Поливала.

– Можно поливать и ни о чем не думать. А можно загадывать, что поливаешь, например, свои деньги. И они растут. Не обязательно заставлять себя верить, что цветок это деньги, дело в другом. В том смысле, который ты придаешь сво-

им действиям. Я много книг прочитал на эту тему.

— Когда ты прикрываешь меня, ты тоже что-то большое делаешь? — сразу догадалась Лика.

— Делаю. Это месть.

— Тебе есть кому мстить?

— Есть.

— Тогда ты можешь думать, что мстишь своим врагам, когда будешь мстить моему отцу.

— Да, твой отец не получит назад покорную дочку и деньги, и мой враг тоже не получит то, чего ему хочется.

Дождавшись ночи, Леон, соблюдая все меры предосторожности, забрал машину Анжелики с парковки и поехал к ее родителям. Любое дело Леон привык начинать с вдумчивого рассмотрения последствий, тщательно готовился, но механизм впервые дал сбой. О том, как закончится его альтруистический порыв, Леон не думал.

С матерью и Матильдой он распланировал каждый шаг, с Нинель наметил общую линию укрепления зависимости, с Анжеликой ему не нужны оказались награды и выгоды. И злорадного чувства победы не хотелось. Леон защищал себя, как бы странно это не звучало. Себя, Колю и Анжелику.

Коля не просил помощи и вряд ли принял бы жертву от Леона, но единственному другу хотелось помочь без просьб. Дед Коли не походил на дядю Гришу, терзающего ради собственного удовольствия беззащитного Леньку, только по сути не отличался от него. Вымещал на внуке свой дурной ха-

раक्टर.

Леон все больше уверялся, что наследства дед Колю обязательно лишит. Поступит подло. И сделает так, что невозможно будет отыграть в Колину пользу. Этим делом Леон решил заняться после возвращения. К тому моменту Анжелика выздоровеет, устроится и развяжет ему руки.

– Рыбак рыбака видит издалека, – хмыкнул Леон, вырывая на трассу. – Я вижу глубинную сущность моральных уродов, потому что сам такой. У меня забрали мое нутро, доброе и любящее, и засунули кусок дерьма. Даже не льда, как в сказке. А именно вонючего и вредоносного дерьма. Теперь я смогу стать выше вас, смелее, хитрее. Время работает на меня. Вы стареете и слабеете, я становлюсь сильнее и коварнее. Ваш мир прогнется под меня. А вы думали, что отвернется? Если посмотреть на Матильду, то уже прогнулся. А Колин дед? Захотел взять верх надо мной? Уличить и командовать как Колей? Старый дурак!

Чувствовал себя Леон прекрасно. Никакой усталости, сонливости или нервного возбуждения не испытывал. Если оценивать по эмоциям, правое дело или нет, Леон точно стоял на нужном краю. И внешняя обстановка способствовала успеху задуманного. Он ехал по трассе практически один, в своем темпе.

По плану появиться в городе Леон должен был ранним утром, до восхода солнца. Тогда родители Лики подумают, что сверх услужливая дочка не стала их будить и пошла про-

гуляться. Рядом есть кофейня. Если купить по карте Анжелики какую-нибудь плюшку, что версия внезапной пропажи дочери укрепитя.

Леон тщательно протер руль, рычаги и все в машине, хотя перчаток не снимал. Чуть не забыл о конверте в бардачке. Хорошо, что на всякий случай решил проверить, нет ли там чего лишнего, что могло бы указать на бегство Анжелики. Ключи от машины он выбросил в ближайшую урну и отправился в кофейню.

Очередь за кофе на вынос двигалась быстро и продавец не обращал внимания, кто покупает, спешил обслужить. Если начнется расследование, он не вспомнит, что кофе купил парень. Леон вернулся к дому Анжелики, ему было любопытно, какая будет реакция. Сел со стаканчиком в кустах и посмеивался над обстоятельствами.

Двойная жизнь, внезапно начавшаяся, будоражила и вдохновляла. Леон снова и снова повторял как заклинание: Мир отвернется от меня? Нет! Мир прогнется под меня. Прогнется столько раз, сколько Леону понадобится. Почему он не догадался раньше, что ему необходима возвышенная цель, а не просто мелкие пакости. Главное, что догадался.

– Вот же, – Леон поперхнулся кофе. Из подъезда вышла женщина, похожая на его мать. Одета скромнее, другие цвет волос и прическа, моложе по возрасту, но явное сходство имелось. – Бедняжка Анжелика, угораздило ее.

Женщина обошла вокруг машины, заглядывая в каждое

окно, подергала ручки дверей. На лице появилось злобное выражение. Окажись Анжелика рядом, ей бы не поздоровилось, мать выругала бы ее. Топнув ногой, женщина попыталась открыть багажник. Ключи находились рядом, в урне, багажник открылся.

– Ааааа, – заорала женщина.

Леон еще раз подавился кофе. Не ожидал настолько бурной реакции. Если бы точно не знал, что багажник пустой, подбежал бы посмотреть, что могла увидеть женщина. Захлопнув багажник, женщина кинулась в подъезд. Дальнейшее представление Леону не покажут. Впрочем, он не огорчился.

Можно было возвращаться в Лисянск. Осталось лишь снять деньги с карты Анжелики.

Леон выполнил задуманное, но просто уйти не получалось. Как будто что-то важное забыл. Он покругил вокруг дома, хотя это не вписывалось в его стратегию быстрого наскока и отскока. И вдруг его осенило. Выкуп! Надо попросить выкуп.

– Мир прогнется под меня, – захохотал Леон, подражая смеху злодеев из фильмов ужасов.

Если попросить побольше денег, то родители Анжелики точно не заплатят. Да они и малость не заплатят. Это ясно как день. Зато они будут знать, что отказ выйдет им боком. С их дочкой расправятся бандиты. Леон радостно потер руки. Анжелику не будут искать, ведь ее бандиты убили.

Полицейские не дураки, может они и не поверят в историю с выкупом и убийством, но копать глубоко не захотят. Такие люди как родители Анжелики вызывают негатив и отторжение уже на стадии первой встречи. Ну, убежала девчонка из родительского дома с залетным красавчиком, не она одна.

На ближайшей помойке Леон нашел большую коробку из-под обуви и, макая палочку в прокисший томатный сок, нацарапал на дне коробки требование о выкупе. Миллион. Волнение зашкаливало, когда он пробрался в подъезд и поставил коробку у двери. Такого возбуждения Леон не испытывал даже когда баррикадировал свою комнату.

Коротко позвонив, Леон взбежал на верхнюю площадку. Подглядывал и внутренне хохотал. Мать Анжелики попинала коробку, ринулась вниз, наверно, собиралась увидеть оставившего непонятный подарок, и только потом, Леон уже начал переживать, что послание не прочитают, подняла коробку и открыла крышку.

Читала про себя, шевеля губами, целую минуту, хотя там и было-то всего шесть слов. Платите выкуп миллион, иначе убьем дочь. Казалось, что написано проще некуда, но женщина долго стояла с коробкой и размышляла, то ли не верила, то ли не знала, как реагировать. Наконец, шагнула в квартиру, забыв захлопнуть дверь.

– Нашу дуру-то похитили, – проорала женщина, наверно, мужу. – И кому она понадобилась? У нее ни мозгов, ни кра-

соты.

– Кто похитил? – скрипучий голос заставил Леона поморщиться. – Когда? Она вернулась?

– Откуда мне знать кто? Оставили коробку. Чтобы мы, дураки, туда деньги положили.

– А машина?

– Под окнами стоит. Пустая. Делать-то что?

– Кота ее засунь в коробку. Пускай подавятся.

Леон понимал, что к его посланию отнесутся скептически, даже наплевательски, но такого безразличного отношения не ожидал. В полицию никто не стал звонить. Спрашивать, искать, интересоваться у соседей, тоже. Затея с выкупом, можно сказать, удалась. Леон увидел истинное положение дел в семье Анжелики.

Врать не придется, что испугались и подняли на ноги всю округу. Дочь у этих людей служила мебелью. Сломалась табуретка, кто о ней будет переживать. Спустя полчаса мать Анжелики выставила коробку за дверь. Выключив в подъезде свет, Леон быстро сбежал вниз и забрал коробку.

Опасался, больше для самоутверждения, что его караулят, но нет. История с выкупом закончилась. В коробку, действительно, засунули кота. И Леон не смог его оставить. Без Анжелики его и кормить наверняка не станут. Кроме кота, в коробке лежали пачки нарезанной бумаги. Ни одной настоящей купюры не было.

– Как ты выжила тут, Лика? – с котом за пазухой Леон шел

на вокзал и привычно разговаривал сам с собой. – И ведь ты лучше меня, добрее, нежнее. Я отомщу за тебя. Как будто за всех нелюбимых детей, над которыми издевались в семьях. Надо лишь выждать, чтобы не подумали на тебя, и придумать достойную месть. Я придумаю. Обязательно придумаю.

Глава восьмая

Конец сентября, общежитие Лисянского гуманитарного университета

Леон рассчитывал, что его отсутствие в Лисянске не заметят. Но Нинель, конечно же, беспокоилась, поскольку была уверена, что Леон заболел. Она отважилась прийти в общежитие и встала перед дверью в комнату Леона. Приложилась ухом и замерла. Как будто кто-то тяжело дышал, и Нинель решила тихонько постучать.

– Почему ты не занимаешься? – грозный окрик испугал Нинель. В двух шагах от нее Матильда облокотилась на стену, смотрела в упор, с насмеш

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.